

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР РУДАЗОВ

КРИАБАЛ. ТЬМА У ВОРОТ

Криабал

Александр Рудазов

Криабал. Тьма у ворот

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Рудазов А. В.

Криабал. Тьма у ворот / А. В. Рудазов — «АЛЬФА-КНИГА»,
2018 — (Криабал)

Самым великим волшебником был Бриар Всемогуший. А самой великой волшебной книгой была книга Бриара Всемогущего – Криабал. И в тот день, когда бродячий головорез случайно нашел страницу из этой книги – одну-единственную страницу! – мир перестал быть прежним. Только этого пока еще никто не знает. Никому не ведомо, что за круговерть событий начнется уже совсем скоро.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Рудазов

Криабал. Тьма у ворот

*Вернулся властелин Тьмы.
Многие собирают книги, неведомое несут их
страницы.
Завис мир над краем пропасти, вот-вот рухнет.
Черный остров скрывает тайну.*

Хроники Грядущего, центурия XI, катрен LXXXI

Глава 1

Ветра не было, но холод стоял такой, что индевели волосы. Летом эта болотистая равнина обращается непролазной хлябью, но сейчас, в самом конце зимы, даже огромные лоси бесстрашно ходят по наледи.

Хотя не так уж их много в этих краях, лосей. Промерзлую пустошь редко тревожат. Изредка только пробежит заяц, пролетит полярная сова или пройдет на лыжах гоблин-охотник.

Но сегодня через пустошь шли нечастые в этих краях люди. Старая торговая дорога давно уже превратилась скорее в тропу, но все еще используется, все еще видит иногда путников. Кое-где даже торчат редкие вешки – зимой они ни к чему, но летом порой спасают кому-то жизнь.

Четверо усталых, продрогших оборванцев не были торговцами. Просто бедная семья, волокащая на санках нехитрый скарб. Второй день уже тащились они по снежной равнине и надеялись к вечеру наконец добраться до стойбища.

Очень бы не помешало успеть к вечеру. До него уж недалеко – час-другой, и начнет темнеть.

Хорошо хоть полярная ночь закончилась еще в ту луну – недолго солнце ползает по небу, а все ползает. Скупое, но освещает землю и даже немного греет.

Совсем немного.

Ишь-Киллаки поежился. Единственный здесь мужчина, он в ответе сразу за трех женщин – брюхатую жену, старую мать и незамужнюю дочь. Тяжко ему.

Но пока что им везло, дорога шла гладко. Ни опасного зверья не встретилось, ни худых людей. А что животы подвело и зубы стучат – это ничего, это перетерпим.

Всю жизнь терпим.

Ишь-Киллаки уже предвкушал горячую еду и теплый очаг, когда впереди показались шесть угрюмых фигур. И сердце сразу упало – так уж было очевидно, что не дорогу они узнать хотят.

Бандиты не стали зря тратить время. Не спросив даже, кто такие, куда едут, что везут, они молча швырнули Ишь-Киллаки на снег, дважды еще и ударив для острастки. Чтоб не вздумал вставать, не вздумал сопротивляться.

Хотя он и не собирался. Ишь-Киллаки не был храбрецом, не был и силачом. Он только надеялся, что дорожные грабители не тронут его женщин. Те сбились в кучу, испуганно прижались к мужу, сыну и отцу.

Бандиты в их сторону и не смотрели. Зло, сердито они потрошили жалкие пожитки. Добыча им досталась небогатая – две дюжины беличьих и куньих шкурок, кадка тюленьей ворвани, тючок мороженого мяса, пара таких же рыбин, несколько изделий из железа-сырца,

снизка янтарных бус да кожаные сапоги. То немногое, что добыли да смастерили на зимовье и везли теперь на продажу.

Но, перерыв санки, бандиты обернулись к их хозяевам... бывшим хозяевам. Все так же бесцеремонно, ни слова не говоря, они принялись шарить по карманам. Быстро нашли сморщенный мешочек медяков на поясе Ишь-Киллаки, сорвали дешевое ожерелье с шеи его жены, отняли амулет у старухи-матери.

И в конце концов вожак хрипло велел:

– Раздевайтесь.

– Помилуй, мил-человек!.. – взмолился Ишь-Киллаки. – Бери все, но одежду-то оставь!

– Раздевайтесь, сказал! – повысил голос вожак.

– Да как же раздеваться, холод же собачий! Околеем сразу!

Вожак вздохнул и наотмашь ударил Ишь-Киллаки. Его подельники бросились срывать с бедолаг одежду, начав с жены и дочери.

Пока творилось это непотребство, вокруг никто не глядел. Не до того было. Потому и не заметили, что вдали показалась еще одна фигура – и на сей раз верховая.

Завидев происходящее, всадник чуть сжал колени, понукая коня прибавить шагу. Совсем скоро он был уже рядом – и при виде его матушка Ишь-Киллаки в ужасе возопила:

– Хозяйка Буранов, да за что же нам?! Еще один грабитель!.. Да еще и дармаг!..

– Я не грабитель, – раздался хриплый бас.

– Слава богам!.. А кто тогда?..

– Убийца.

Бандиты прекратили сдирать парку с дочери Ишь-Киллаки и схватились за оружие. Всадник выглядел грозно, но был он один. Одному против шестерых не сдюжить, будь он хоть хирдманном конунга.

К тому же холеный боевой конь и доброе оружие выглядели хорошей добычей.

Только бандитам они не достались. Мектиг Свирепый не был просто случайным путником. Прежде чем бандиты успели хоть замахнуться, он стоптал одного конем и распахал второму голову. Тяжелая боевая секира так и закрутилась в могучих ручищах.

Четверо остальных еще с пару минут отбивались. Один взмахнул мечом, другой выставил копьё, третий схватился за самострел. Истошно визжащий гоблин прыгнул на Мектига со спины и попытался всадить нож в бок.

Мектиг перехватил его и крепко сжал, ломая зеленую ручонку. Обухом секиры он тут же шарахнул гоблина по голове и отшвырнул уже труп.

Так же играючи он справился и еще с двумя. Однако вожак банды оказался орешком покрепче. Ему таки удалось обойти Мектига, уклониться от страшного удара и вонзить меч... всего лишь в коня, не во всадника.

Но удар оказался хорош. Даже не закричав, конь рухнул как подкошенный. Вывалившись из седла, Мектиг тут же перерубил вожаку горло, но потери было уж не вернуть. Пусть победил, зато остался пешим.

Бандиты. Мектиг ненавидел бандитов.

Зло хмурясь, он повернулся к Ишь-Киллаки и его женщинам. Те сбились в кучку у своих санок, явно боясь спасителя больше беды. Мектиг пристально осмотрел их, взялся поудобнее за секиру и спросил, мотнув головой в сторону трупов:

– Вы их друзья?

– Нет-нет-нет! – замахал руками Ишь-Киллаки. – Они нас грабили!

– Тогда можете идти.

Обойдя убитых, Мектиг дважды их пересчитал, для верности загибая пальцы. Шестеро, из них один дармаг и один гоблин. Вся банда Ирги Сварливца налицо. И за каждую голову ему заплатили по двадцать серебряных ханнигов.

Кроме гоблина. Гоблины идут за полцены.

Обычно Мектиг брал за голову по пять золотых хдарков, но местные голодранцы вряд ли вообще когда-нибудь видели золото. Приходится работать за гроши и радоваться, что удалось найти хотя бы такой заказ. В здешних краях охотники за головами спросом не пользуются.

Ишь-Киллаки тем временем пошептался со своими женщинами и робко, бочком-бочком подвинулся к Мектигу. Стараясь ничем не разозлить грозного дармага, Ишь-Киллаки поклонился и забормотал, как он признателен.

Мектиг даже не повернул головы. Он убил тех шестерых, потому что получил за это деньги. Если бы он не взял заказ, то проехал бы сейчас мимо.

Но Ишь-Киллаки хотел не только поблагодарить. Продолжая униженно кланяться, он спросил, не хочет ли могучий воин доехать... дойти с ними до стойбища. Переночевать там, подкрепиться горячей пищей и... разделить постель с его, Ишь-Киллаки, дочерью.

Закутанная в парку девушка с надеждой смотрела на огромного дармага. Был он по меньшей мере некрасив и весь покрыт боевыми шрамами, но крепок и силен, как полярный медведь. От такого должны родиться здоровые дети – а в здешних краях это высоко ценится. Слишком мало людей в нищих селениях на пустоши, все давно уж друг другу родственники.

Мектиг хорошо это знал, так что предложению не удивился. И женщины не было у него уже давно.

Но он не спешил соглашаться. Что собой представляют местные женщины, он тоже знал хорошо. Не в том даже дело, что они похожи на крупных гоблинш, а в том, что не моются чуть ли не с рождения. Просто смазывают кожу тюленьим жиром, тем и счастливы.

Бывает, снимешь с такой одежды – а оттуда смрад, как от старой рыбы. Сами-то они к тому привычны – вроде как даже нравится. Что им, если они лучшим мясом почитают протухшее.

Но все-таки женщины у Мектига не было уже слишком давно. А эта девчонка выглядела чуть получше большинства местных страхолюдин. Ночевка под крышей и горячая еда тоже не помешают.

– Ведите, – бросил Мектиг, снимая с коня снаряжение.

Убитых бандитов он не тронул. А вот те, кого они чуть не ограбили, мародерством не побрезговали. Хотя немного оказалось у шайки ценного – плохое оружие, такая же одежда да несколько монет в карманах.

Хотя беднякам и это не лишнее.

В стойбище Мектиг провел ровно одну ночь. Наутро же, похлебав рыбного супа и бросив улыбающуюся во сне девку, он двинулся дальше. Возможно, сегодня она понесла его ребенка, но об этом Мектиг не думал.

Он даже не спросил ее имени.

Дорога вела Мектига дальше на юго-восток, к городу и людям. Он остался без коня, а быть без коня ему не нравилось. Слишком многое приходится носить с собой, если не имеешь дома – а дома Мектиг не имел уже очень давно.

Когда-то Мектиг Свирепый был тяжелым хирдманном. Много лет воевал за великого конунга – и хорошо воевал. Он был первым топором тинглида, лучшим из бойцов Свитьодинара – а это значит, что он был лучшим в мире.

Но потом... потом ярл Солетунг грязно оскорбил его покойного отца. Прилюдно назвал стродинном. Не стерпев поношения, Мектиг достал топор и зарубил ярла на месте. Зарубил на глазах у сотни свидетелей, расколол башку вместе с шлемом.

Зная, что конунг снимет с него за это голову, Мектиг сразу же сел на коня и ускакал из Свитьодинара.

С тех пор минуло пять лет, и все это время он странствовал по ледяным пустошам, зарабатывая на жизнь собственной секирой. Та звалась Крушилой, и это имя ей очень подходило.

Первый год Мектиг провел в Салимарии, где прикончил одиннадцать ведьм... или десять. Одна, возможно, все-таки выжила. Потом он бродил по заснеженным равнинам Гаймцера, кочевал с гоблинами-оленоводами по Дальгии, шатался по каменистым пустошам Пустоземья, пересек с севера на юг Огненный Край...

А последние полгода Мектиг провел в Арбии. Бесплодная болотистая страна, где проще встретить снежного призрака, чем человека.

Мектигу давно обрыдли эти края.

Так что сейчас он шел на юго-восток, в Эрдезию. Говорят, людей там больше, да и зимы мягче.

Деревенские продали Мектигу кое-что из припасов. Немного, поскольку жили они в ужасающей нищете, но до завтра еды хватит.

А завтра будет уже город.

Кроме съестного Мектиг получил от них хорошие рукавицы, почти новую веревку и несколько исписанных листов. Читал Мектиг с трудом и не видел в сем занятии проку, но бумага в тундре – вещь полезная. И не столько для того, что первым приходит в голову, сколько для разведения костра.

Когда спустились сумерки, Мектиг был еще в пределах Арбии. За целый день пути он не встретил никого, кроме случайного гоблина. Тот удрал, едва завидев огромного дармага.

На ночлег великан остановился в небольшой ложбине, хорошо укрытой от ветра и даже сумевшей взрастить несколько низеньких кривых березок. Одну из них Мектиг тут же срубил и принялся складывать из веток башенку. В центр он засунул самую старую и ветхую бумажку и чиркнул спичкой о наждак.

Мектиг умел разводить костры. Он делал это бесчисленное множество раз. За последние годы – почти каждый день.

Но в этот раз боги решили над ним подшутить.

Бумага не загоралась. Мектиг держал спичку, пока та не обожгла пальцы, но бумага осталась невредимой. Он зажег еще одну спичку – и снова лишь зря ее потратил.

Это удивило дармага. Он мало знал о бумаге, но был уверен, что горит та хорошо. Мектиг убеждался в этом неоднократно.

Немного подумав, Мектиг заменил бумажку на другую. Спичек осталось всего три, так что в этот раз он был еще осторожнее.

Новая бумажка загорелась легко. Через несколько минут в ложбине уже потрескивал костерок, а Мектиг сидел возле и рассматривал странный лист.

Он попробовал сунуть его в большой огонь, но тот и там не сгорел. Даже не обуглился.

Волшебство. Здесь точно не обошлось без волшебства. Мектиг всегда настороженно к нему относился, так что вначале хотел просто выкинуть и забыть.

Но все же не стал. Решив, что еще успеет, он поднес бумажку к огню и принялся читать.

Это заняло мало времени. На странице было всего несколько слов, так что даже полуграмотный дармаг управился быстро.

Хотя понять Мектиг почти ничего не понял.

– Кри... а... бал... – повторил по слогам он самое большое слово, стоящее в самом центре. – Криабал.

Мектигу это ни о чем не говорило. На странице были и другие слова, а также маленькие картинки, красивые виньетки и странный символ в виде восьмиконечной звезды, но они ему тоже ни о чем не говорили.

А с другой стороны не было и того. Только рисунок – затянутая плющом арка. Почему-то при взгляде на нее взгляд затуманивался, перед глазами все начинало плыть.

Мектиг потряс головой и сложил листок вчетверо. Лучше не смотреть на всякое волшебство, добра от него не бывает.

Оставлять эту штуку себе Мектиг не собирался. Но выбрасывать будет расточительно. У убитых им ведьм тоже бывали странные предметы – в том числе и бумажки со всякими надписями. За некоторые из них Мектигу потом заплатили серебром.

А кое за что – даже золотом.

Возможно, и эту кто-нибудь захочет купить. Места она не занимает, руки не жжет – пусть полежит пока в кармане. Глядишь, и удастся обратить ее хотя бы в пару медяков.

Деньги. Никуда без них. Мектиг презирал деньги и тех, у кого их много, но прожить без этой дряни не просто даже первому топорю тинглида. Пищу еще можно добыть охотой, но нужны и другие припасы, нужно чинить одежду и оружие.

Да и коня вот Мектиг теперь лишился. Нового ему задаром никто не даст, а кошель удручающе легок. Если его содержимого и хватит на коня, то разве что на полудохлую клячу.

Спал Мектиг крепко и без сновидений. Улегся у тлеющего костра на старый, довольно уже ветхий плащ, сунул под голову рукавицы и почти сразу задремал. Стылая земля вытягивала из тела тепло, но дармаги спокойно переносят даже очень сильные холода. Там, где низкие люди кутаются в шубы и унты, дармаг идет в легкой накидке и сапогах.

Наутро Мектиг доел остатки похлебки, вычистил снегом котелок и вновь зашагал по старой тропе. Два с лишним часа он мерил ногами снежную равнину, пока не завидел грязную, закопченную избушку с крышей, похожей на шляпку сморчка. Больше всего это походило на жилище какой-то ведьмы.

Ведьмы. Мектиг ненавидел ведьм.

Но на эту ведьму у него контракта не было. А задаром Мектиг не убивал.

И ведьмам ведь нужны волшебные штуки? Может, она захочет купить несгораемую бумажку. Так что Мектиг постучался и, не дождавшись ответа, распахнул дверь.

Это точно оказалось жилище ведьмы. Такое же грязное и закопченное внутри, как и снаружи, почти совсем темное, да еще и с огромным, булькающим в очаге котлом. Вареву помещивала поварешкой всклокоченная седая старуха с совершенно безумным взглядом.

– Мир тебе, – пробасил Мектиг, не переступая порога.

– И тебе, кто бы ты ни был, – ощерилась старуха. – Хотя знаю я, кто ты. Дармаг с топором, изрубленный весь. Головорез ты. Наемник. Убийца.

Мектиг нахмурился. Ведьма сразу же прозрела всю его суть. Возможно, она провидица. Или даже вёльва. Если так – хорошо, Мектиг давно хотел узнать свою судьбу.

– Погадай мне, – потребовал он.

– Погадать, погадать... – пробормотала старуха, суя длинный нос в котел. – Не буду гадать. Не мешай, у меня супчик вскипел. Есть буду. Тебе не дам.

– Я заплачу, – неохотно буркнул Мектиг, доставая серебряный ханниг.

Вёльва сразу же оживилась. Быстрее молнии она подскочила к дармагу, выхватила монетку и улыбнулась, как лиса при виде забредшего в лес цыпленка.

– Сейчас погадаю! – радостно воскликнула она. – Сейчас, сейчас!

Глаза старухи закатились, руки мелко затряслись. Она зачерпнула ложкой из котла, отхлебнула, причмокнула и принялась нараспев скандировать:

Слепец светлоокий стоит у ворот;
Узы расторгнуты, вырвалась Тьма!..
Много я знаю; вижу я, вещая,
Грозно грядущий жребий миров!

Мектиг подождал еще немного, но, кроме этой белиберды, вёльва ничего не сказала. Чавкая и хлюпая, безумная старуха набросилась на свою похлебку.

Про волшебную бумагу Мектиг не стал у нее даже спрашивать. Видно, что если она чем и заплатит, то разве серебрухой, которую Мектиг сам же ей и дал.

– Сумасшедшая, – буркнул он, закрывая за собой дверь.

Судьбы своей Мектиг не узнал, но хотя бы до города ему осталось совсем немного. Прошел час, и вдоль дороги потянулись покосившиеся плетни и укрывшиеся снежными шапками полуземлянки. А впереди показалась приземистая, выщербленная, но вполне еще прочная крепостная стена.

Незаметно для себя Мектиг вошел в Эрдезию – тоже небогатую и малолюдную страну, но в сравнение не идущую с нищей пустыней Арбии. Говорят, где-то на самом юге Эрдезии есть действительно большие города, волшебный портал и даже настоящий король.

Мектиг никогда в жизни не видел короля. Ему всегда было любопытно, растет ли корона у него уже с рождения или появляется потом, как рога у лосей.

Впрочем, эти места от королевского величия далеки. Здесь глухая окраина, крохотный городишко Пайнк. Говорят, в прежние времена, когда Арбия была побогаче, через него велась вся торговля.

Но сейчас арбийцам торговать просто нечем. Слишком худые времена у них настали. Сначала подряд несколько голодных лет, потом еще мор...

А поскольку Арбия захирела, хиреет и Пайнк.

Но пока что здесь еще не так плохо. Стена почти цела, и людей довольно много. А уж домов-то!.. Мектиг никогда в жизни не видел столько домов в одном месте.

Пожалуй, их тут не меньше тысячи.

Внутри его долго не хотели пропускать. Стража нудно и опасливо выясняла, кто таков да зачем пришел. Мектиг, будучи человеком немногословным, на все вопросы отвечал односложно или вовсе молчал.

Но в конце концов ему позволили войти. Только потребовали привязать топор к перевязи специальным узлом. Мол, в стенах города боевое оружие не дозволено.

Мектиг не понял, что ему мешает просто развязать этот узел, но спорить не стал. Пусть, если их это успокаивает. Зато он наконец оказался в большом городе.

Дома здесь теснились друг к другу, лезли один на другой. Между ними почти не оставалось места, узенькие улочки кишели народом. Если не жилье, то лавка, если не лавка, то склад, а если не склад – то хоть прилавок уличного торговца.

А шум стоял такой, что закладывало уши. Каждый о чем-то говорил, что-то кричал.

Мектиг слишком привык к тишине тундры, нарушаемой лишь волчьим воем да иногда трубным ревом мамонтов. Слишком привык видеть вокруг только снежную или моховую равнину. Ему непривычно было, что вокруг так много людей.

Хорошо еще, что его они сторонились. При виде огромного дармага прохожие отводили взгляды, и его это радовало.

Мектиг не любил, когда на него пялились.

Основная торговля шла на рыночной площади. Мектиг решил надолго в Пайнке не задерживаться. Купить все необходимое, подыскать лошадь по карману, продать кое-какие трофеи, переночевать где получится – и прочь отсюда.

Ах да, и еще надо узнать, нет ли работы для охотника за головами. По опыту Мектиг знал, что головорезы требуются везде. Всегда требуется кого-то убить – бандита, ведьму, тролля или просто обидчика. Получив деньги, Мектиг отправлялся в путь и не останавливался, пока не разрубал очередную башку.

Платили обычно вперед. Было в Мектиге что-то такое, отчего ему верили на слово. Никто еще не усомнился, что, если этот бледный верзила говорит, что убьет кого-то, – он именно так и поступит. От него даже не требовали принести потом доказательства.

И Мектиг еще ни разу никого не подвел.

Но сейчас он выискивал взглядом того, кому можно продать волшебную бумажку. Вряд ли ей заинтересуется горшечник... или мясник... или кожевник... но вот как насчет книжника? Это ведь страница из книги, верно?

Книжник при виде Мектига вздрогнул. Все обычно вздрагивали при виде Мектига. Неубедительно улыбаясь, чахлый человечек заблеял что-то о своих книжках, но до них Мектигу дела не было. Он в жизни не прочел ни одной.

Вместо чтения он сунул книжнику свой листок и грозно спросил:

– Купишь?

Прозвучало это как-то неправильно. С таким видом обычно делаются торговые предложения в подворотне. Когда всякие невежливые типы предлагают купить что-нибудь бесполезное за очень дорого.

Видимо, книжник именно так и подумал, потому что задрожал еще сильнее. Но потом его взгляд сосредоточился на странице... и глаза загорелись. Всего на долю секунды вспыхнули жадным огнем, а потом погасли.

– Где ты это достал... мнэ-мнэ-мнэ... воин?.. – ележно спросил книжник.

– Нашел, – хмуро ответил Мектиг. – Она что-то стоит? Купишь?

– Ну это просто страница из старой книги... Может, ты ее откуда-то вырвал? Самой книги там не было? – с надеждой спросил книжник.

– Не было. Только это. Купишь?

– Одна вырванная страница многого не стоит... – протянул книжник.

– Сколько дашь?

– Только из уважения к тебе, бесстрашный воин, может быть... мнэ-мнэ-мнэ... как насчет... мнэ-мнэ-мнэ... пяти медных хольдарков?

– Годится. Давай деньги, – протянул лапищу дармаг.

Глава 2

В тачку вывалилась отработанная порода. Фырдуз покрепче ухватил рукояти и покатил к отвалу. Он устал и хотел есть, но до перерыва еще долго.

Если он вообще будет сегодня – перерыв. Иногда начальство решает, что каторжане и без того слишком часто отдыхают. Тогда перерыв отменяют, просто раздавая пайки.

Без еды рудокопов все же не оставляют. Пробовали, но выработка слишком сильно снижалась. На пустой желудок-то киркой не помашешь.

Фырдуз Ерке трудился в этой шахте уже пятую луну. Если повезет, он протянет еще столько же или немного больше. А потом... наверное, потом отправится в отвал.

Тут редко кто задерживается дольше чем на полгода.

Если бы начальство не выжимало каторжан досуха, шахта была бы эффективнее. Немного больше сна, немного больше еды, лекарь для больных... в прежней шахте все это было, и многие трудились годами.

Но эту открыли недавно, набили рудокопами под завязку и поставили такие нормы, что легче сдохнуть, чем выполнить. Хобии куда-то очень торопятся.

Хотя известно куда. Опять на кого-то войной пойдут. Фырдуз не знал, что творится в головах этих кротов, но ясно, что ничего хорошего. Они и в прежние-то времена были не в себе, а в последние годы вообще как с цепи сорвались.

Вторжение Фырдуз помнил, как сейчас. Четыре года назад хобии вошли в Кобольдаланд, менее чем за две луны смяли королевские войска и установили свои порядки. Теперь страна кобольдов считается протекторатом Подгорного Ханства.

Фырдуз уже немолод. И большую часть жизни он прожил, как подобает хорошему кобольду – тихо и незаметно, никому не мешая и никого не беспокоя. Нормальные кобольды стараются не попадаться другим на глаза, тихо и незаметно трудясь в своих норах.

Так же Фырдуз жил и первые полтора года оккупации. Тихо и незаметно мешал клеи и масла в своей мыловарне, раз в луну сдавая их в лавку старой Ульки. Потом к лавочнице пришли хобии, нашли что-то запрещенное, конфисковали лавку, а ее хозяйку отправили в лагерь. Фырдузу было жаль старуху, но для него самого ничего не изменилось – он все так же ходил в лавку, все так же сдавал плоды ремесла, все так же получал за них деньги.

Только теперь не у старой Ульки, а у хобия-комиссара.

Но спустя еще год Фырдуза и самого отправили в лагерь. Причем виноват во всем был его племянник, Колинт. Маленький дурачок решил поиграть в партизана и однажды написал на их доме огромными буквами: «СМЕРТЬ ХОБИЯМ-ОККУПАНТАМ!»

Конечно, сами хобии эту надпись бы даже не заметили – как им ее заметить, слепым? Однако нашелся доброхот, сообщил куда следует. И уже через час в дом ворвался хобийский патруль.

Что кроты делают с такими глупыми детьми, все прекрасно знали. Только двумя днями ранее какую-то девочку, кинувшую камень в хобия, без разговоров проткнули копьями. Для Подгорного Ханства дети бесполезны и даже вредны – они еще долго не смогут работать, а когда вырастут, то пожелают отомстить. Поэтому с детьми хобии расправляются быстро и жестоко – дай только повод.

Так что Фырдуз взял вину на себя. Сказал, что это он написал на стене угрозу.

Только он.

Конечно, его жестоко избили, а потом отправили на каторгу – но хотя бы не тронули сестру и племянника. На этот раз малец не храбрился – спрятался за мамкиной юбкой и дрожал от страха.

И вот уже полтора года Фырдуз гниет в лагерях. Поначалу работал на серебряной шахте, где было в целом терпимо, а потом попал сюда, в мифриловую. Тут-то уж он узнал, каково землей питаться.

На самом деле мифриловой эта шахта только называется. Мифриловых руд на свете не бывает, ведь мифрил – не металл, а сплав. Карбид гафния, тантал и титан. Точные пропорции хранятся в строгом секрете... хотя это тот самый секрет, что известен даже детям.

Если это дети кобольдов, конечно.

Два из этих трех металлов здесь и промышляют. Титан и тантал. А заодно еще и ниобий, коего здесь тоже хватает. На тантале с ниобием Фырдуз и поставлен – вместе с еще тремя тысячами кобольдов он рубит колумбитовую руду, добывая черный песок, который затем превратится в ценные металлы.

Почти все каторжане – кобольды. Но есть и несколько цвергов. Пару раз Фырдуз видел минотавров и пещерных вардов. И даже циклопа однажды – весь обвешанный цепями, тот тащил вагонетку размером с маленький дом.

А вот Верхних нет. Из Верхних работники плохие – руду копают кое-как, в металлах не разбираются, в темноте не видят, с еды блюют, все время жалуются и сразу начинают болеть.

Не любят Верхние подземелий.

Опрокидывая очередную тачку с пустой породой, Фырдуз едва не сбил с ног другого кобольда. Он не знал его имени. А тот наверняка не знает имени Фырдуза. Лагерные шахты – настоящие термитники. Все здесь никто, безымянные рабочие единицы.

– Осторожней, 45-14, – шикнул на него другой кобольд.

– Извини, 38-90, – ответил Фырдуз. – Ненароком.

В отличие от имен номера здесь есть у всех. Выстрижены аккуратно на макушке. Проведет слепой надзиратель рукой – ага, такой-то и такой-то.

И то еще ладно, что только выстрижены. Некрасиво, но шерсть – дело наживное, отрастет. Раньше вон номера вырезали прямо на коже – Фырдуз встречал таких лагерников.

И не потому их прекратили вырезать, что хобии вдруг жалостливей стали. Просто перестановки у них участились, работяг все чаще с шахты на шахту перекидывают. Так тут перенумерацию делай, новое назначение определяй. А как номер сменить, если он на коже вырезан?

Вот и решили просто шерсть выстригать.

День тянулся монотонно. Через каждый час хобий в каменном колодце колотил в медное било, отмечая время. Вот сейчас два удара, потом еще три – значит, минул третий полуденный. Через час должен быть перерыв, будут кормить. А еще через шесть часов конец смены, снова поесть и немного поспать.

Еще одна тачка. И еще одна. Сегодня не везет, порода идет в основном пустая. Это плохо – если норму не выполнить, пайки урежут. А на урезанных пайках долго не протянешь. Их и полных-то едва хватает, чтоб не сдохнуть.

Посчастливилось хоть в том, что перерыв не зажилили. Целый час дозволили не работать. И пайку Фырдуз получил – краюху грибного хлеба. Сырого, с плесенью, но такого вкусного!

Пить не дали. Чего-чего, а воды у каторжан вдоволь – вон под ногами хлюпает. Хочешь – горстью черпай, хочешь – наклонись да пей.

Фырдуз черпал горстью. Брезговал немножко прямо губы туда окунать. Сохранилась в нем еще крохотная толика самоуважения.

Однако на то, что именно он пьет, кобольд старался не смотреть. Что за вода может быть в шахте? Хорошо и то, что источник – подземный ручей, у самого ключа грязи вовсе и нет.

Но то, что у самого ключа, пьют сами хобии да их фискалы из кобольдов. А что до работяг дотекает, наполовину уж из рудничной пыли состоит.

Ну да ничего, не привыкать. Кобольд – зверушка неприхотливая.

И то хорошо, что не бьют. Хобии – народец черствый, но беспечно не злобствующий. Никто не слышал, чтоб хобий кого ударил ради забавы. Не провинись ни в чем – и никто тебя не тронет.

Жаль, не все это понимают. Примостившись в ямке на возвышении и бережно собирая крошки, Фырдуз стал свидетелем расправы. Сразу пятеро приземистых, покрытых черным мехом хобиев окружили огромного цверга и дубасили железными палками-тростями.

Фырдуз не знал этого беднягу и понятия не имел, в чем тот провинился. Но, пронаблюдав с пару минут, уверился – либо бунтовал, либо пытался бежать. Новичок, видно, не знает, что к чему. Не выбили из него еще остатки гордости.

Ну да ничего, выбьют. А если и дальше будет упрямиться, так саданут киркой в затылок и до отвала на тачке. Много таких уж бывало, гордых.

Но этот покрепче иных. Хобии колотили цверга до ужаса долго, но тот все не падал и не падал.

Понятное дело, нелегко сбить того, чья форма почти кубическая. Хобии рядом с этим детиной смотрятся мелкими зверушками.

Любой кобольд, впрочем, тоже.

В конце концов цверг все-таки обессилел и рухнул. Ну как рухнул... скорее просто осел. Обмяк, как подтаявшая куча грязи.

Но хобии от него отвязались. Видно, и сами уже притомились махать дубинками. Еще по разу пнули эту бородатую тумбу и разошлись.

Несколько минут цверг лежал неподвижно. Фырдуз посасывал последний кусочек хлеба и внимательно смотрел. Ему было любопытно, останется ли здоровяк после такого жив.

Фырдуз бы вот точно не остался. Кобольды – народ двужильный, но, если долго бить палками, – умирают.

А вот цверг – поди ж ты! – стал медленно приподниматься. Фырдуз, доевший пайку, сполз вниз и подобрался поближе. Он знал, что глупо лезть не в свое дело, но ему стало интересно все же узнать, за что цверга так наказали.

Вплотную Фырдуз подходить не стал. Цверги всегда его немного настораживали. Огромные они очень, широкоплечие, заросшие густыми бородами. Вечно носят на себе железо, таскают тяжелое оружие.

Цверг возвышается над кобольдом, как башня. Цверг в один присест съедает столько, сколько кобольд не съест и за три дня. Цверг может разбить кобольду голову ударом мозолистого кулачища.

Нет, не стоит подходить к такому, пока не убедишься, что он тебя не тронет.

Все-таки поднявшись, цверг долго просто стоял и шатался. Потом утирал кровь грязной рубахой. Больше размазывал. Ранить его хобии всерьез не ранили, сломать ничего не сломали, но ушибов и ссадин нанесли столько, что страшно глядеть. Завтра все тело будет сплошным синяком.

Кое-как утеревшись, цверг зашагал. Брел почти на ощупь, шаря перед собой руками. Ему явно не хватало зеленоватого мерцания подземных опят.

Фырдуз-то видел все ясно. Много ли нужно кобольду? Светлячок, искорка, гнилушка... вот и ладно. Совсем уж в крошечной тьме даже кобольд ничего не различит, но если есть хоть крошечный огонек – не пропадет.

А хобиям и это без надобности. Зачем свет тому, кто слеп? Даже глаза у них заросли кожей. Зато слух и нюх у хобия такие, что ориентируется лучше многих зрячих. И невдомек ему, что чем-то обделен, безглазый.

Но вот у цвергов глаза-то есть, только плохие, в темноте толком не видят. Яркий свет нужен. Факелы, свечи, лампы масляные.

Фырдуз их за то даже жалел немного. Поэтому он все же подобрался к цвергу ближе и осторожно окликнул.

– Кто здесь? – повернулся бородач. – Ты из кротов?..

– Нет, кобольд я, – тихо ответил Фырдуз. – Лагерник. Мир тебе, друг.

– И тебе мир. Ты где? Не вижу ни зги...

Фырдуз коснулся его руки. Ладонь цверга оказалась твердой и шершавой, как горная порода.

– Ты новенький? – спросил кобольд. – Как зовут?

– Тревдохрад, – коротко ответил цверг, глядя поверх Фырдуза. – Где выход?

– Выход?.. С шахты?.. Друг, выходов несколько, но у всех караул...

– Мне нужно оружие, – заявил Тревдохрад. – Хотя бы кирка или лопата. Я пробьюсь.

– Пробьешься?.. Посмотри на себя, друг, ты весь в крови, ты на ногах еле стоишь. Пойдем, умоешься хоть.

Цверг неохотно послушался. Стараясь не привлекать внимания хобиев, Фырдуз повел его к отнорку, где обычно спал. Но тут снова загудело медное било – два удара, потом четыре. Перерыв закончился.

– На работу надо, – поежился Фырдуз. – Друг, вон там дождись меня. Воды тут везде много, внизу пошарь. Умойся, попей, поспать попробуй. Ты если сегодня первый день, можно не работать, но завтра выйти придется.

Тревдохрад шумно засопел, хотел что-то сказать, но Фырдуз уже утек в темноту. Мало кто способен шнырять по пещерам тише и незаметней кобольдов.

Зачем он взялся помогать этому недотепе, Фырдуз сказать затруднялся. Может, просто по доброте душевной, по врожденной своей совестливости. А может, потому, что дружить с таким могучим цвергом – дело подходящее. Среди каторжан хватает таких, кто охотно вырвет последний кусок изо рта такого же лагерника. У Фырдуза уже дважды отнимали пайку и один раз – стащили.

Хотя не исключено, что, пока Фырдуз будет кончать смену, Тревдохрада уже не станет. Может, все же помрет от побоев, а может, кто из лагерников поможет. Брони и оружия на нем нет, но одежда хорошая, добротная. Рубаха почти новая, только кровью заляпанная, сапоги кожаные.

Хотя любой кобольд в этом шмотье утонет, конечно. А других цвергов на шахте раз-два и обчелся.

Однако Тревдохрад дождался Фырдуза. Лежал, где было сказано, и хрипло дышал. Похоже, что-то ему хобии все-таки повредили.

Фырдуз помог ему подняться и отвел к кухонным вагончикам. Во вторую перемену дают не только хлеб, но и похлебку – жидкую, сытную, даже почти теплую. Получить пайку можно только лично, хобии по номерам проверяют, так что тут уж хоть слабый, хоть больной – вставай и иди к раздаче.

Иначе еще больше ослабеешь.

Идти к раздаче Тревдохрад все равно сначала не хотел. Упрямылся, упирался. Мол, ничего ему не нужно от этих кротов, пусть сами жрут свои помои. Но потом его подвел собственный живот, издав тихое, но отчетливое урчание.

– Надо поесть, – терпеливо сказал Фырдуз. – Моря себя голодом, ты ничего не изменишь.

Цверг съел только хлеб, а похлебку отдал Фырдузу. А поскольку цвергам выдают двойные порции, сегодня у маленького кобольда случился настоящий пир.

Прихлебывая через край, Фырдуз подумал, что это наверняка боги награждают его за добрый поступок. Быть может, этот цверг – никакой не цверг, а явившийся с небес воздатель? Фырдуз слышал, что те порой ходят среди смертных, испытывая их сердца. Накормишь голод-

ного нищего – а он возьмет да и откроет, где искать золотую жилу. Прогонишь его от ворот – а он проклянет так, что весь покроешься язвами.

Хотя нет. Глядя на громко сморкающегося и чешущего в паху цверга, Фырдуз отверг эту мысль. Воздатель не позволил бы хобиям так себя избить. Да и дополнительная миска похлебки – прямо скажем, небогатая награда.

Но все равно лучше, чем ничего.

После еды Фырдуз пошел спать сразу же и посоветовал то же Тревохраду. Смены в шахте долгие, а сон короткий. Пользуйся каждым часом, каждой минуткой – иначе завтра на ногах стоять не будешь.

Подъем объявили, когда медное било ударило четыре и четыре раза. Пятый полуночный час. Фырдуз слышал, что Наверху в это время суток все спят, потому что на потолке гаснет Небесный Светильник. Верхние называют его солнцем.

Фырдуз слышал об этой штуке, но верилось ему с трудом.

Хотя Сверху действительно льется на удивление много света. Это известно каждому, кто бывал в вертикальных шахтах. Встанешь на дно колодца – и видишь высоко-высоко над головой квадратик или кружок белого или голубого света.

Но только не в полуночные часы, это верно.

Однако Внизу – это не Наверху. Здесь полуночные часы отличаются от полуденных только названием. Лагерники работают посменно, и шахта никогда не затихает. Круглыми сутками кирки стучат о гранит, гудят полные вагонетки и свищут плетки надсмотрщиков.

Фырдуз объяснял это Тревохраду торопливо, пытаясь поднять упрямого цверга. Тот оказался жутко твердолобым.

– Я Тревохрад Окручигетхсторец, сын Брастомгруда, сына Дракметрага, – цедил сквозь зубы бородач. – Работа в шахте – благородное дело, но я не стану работать на врага!

– Гордый, да? – вздохнул Фырдуз. – Здесь тебе лучше проглотить гордость. Хобиям не нужны те, кто не работает. Ты либо машешь киркой, либо лежишь в отвале – выбор за тобой.

– Все мое естество восстает против того, чтобы трудиться бесплатно, – угрюмо пожаловался цверг. – Мои предки плюнули бы мне в бороду, если б узнали, что я опустил до такого.

– Извини, здесь мы работаем не ради денег.

– А ради чего тогда?

– Ради того, чтоб нас не мудохали. Тебе лучше это запомнить.

Тревохрад смерил Фырдуза хмурым взглядом. Насколько уж он мог его разглядеть.

Хотя после завтрака цверг стал ориентироваться лучше. В начале смены ему выдали каску, кирку и медальон-светильник. Самый простой и дешевый – в плоском слюдяном пузырьке плавали личинки свечного жука. Их мерцания едва хватало, чтобы разгонять мрак на длину руки, но все лучше, чем во тьме.

– Кормить не забывай, – прокрипел каптерный хобий. – Плесень со стен им шкрябай. Если окулятся или сдохнут – принесешь мне, другой выдам. Но если сдохнут – еще и палок получишь. Понял?

Тревохрад угрюмо молчал. Каптерный хобий схватил его за локоть когтищами, сунул рыльце почти в бороду и прошипел:

– Понял?!

– Он понял, тархан, понял, – торопливо сунулся Фырдуз. – Новенький он, неотесанный.

– Понял – так и иди, – фыкнул хобий.

По-прежнему мрачный и надутый, работал Тревохрад, однако, усердно. Видимо, просто не умел филонить, как любой нормальный лагерник. Кобольды трудились в полную силу, только если близко стоял кто из хобиев – эти сразу слышат, что кирка ходит медленней.

Когда же слепых надзирателей вблизи нет, силы лучше поберечь. Чего ради жилы-то рвать, зачем? Чтоб добыть кротам больше руды, чтоб они наварили еще мифрила для новой войны? Кобольдаланд уже под ними, дальше кто – Кободард?

– Как думаешь, полезут кроты к медведям? – спросил Фырдуз вполголоса у цверга.

– Да, – коротко ответил тот. – И уже вот-вот. А сразу после – к нам, в Яминию.

– Думаешь?

– Знаю, – болезненно поморщился Тревдохрад.

Фырдуз внимательно на него посмотрел, но спрашивать дальше не стал. Сам расскажет. Видно же, что его аж распирает, так хочется с кем-нибудь поделиться.

Но пока еще цверг помалкивал. Час за часом рубил гранит, как заведенный механизм. Фырдуз еле успевал бегать с тачкой, убирать выработанную породу. Однажды снова лишь чудом не столкнулся – да теперь не с собратом-кобольдом, а с хобиями-землекопами. Те прокладывали новый туннель.

Почти всю работу на шахте исполняют лагерники. В рудном деле равных народу Фырдуза нет ни Наверху, ни Внизу. Но если нужно что-то срочно прокопать, хобии все же берутся за дело сами.

Когда речь идет не о добыче ископаемых, а о прокладке туннелей, эти слепые уродцы обставят кого угодно. Они роют даже не лопатами, не кирками, а просто лапами – страшными кротовыми когтями. Именно так они с легкостью захватили Кобольдаланд – ворвались сразу из десятков мест, пробурили уйму новых ходов. Кобольды опомниться не успели, как уже повсюду были вооруженные хобии.

Прорвало Тревдохрада за ужином. Днем смолотил пайку уже без капризов, едва только не облизав пальцы, а вечером выхлебал в один глоток стылую жижу и рывкнул:

– Это что, все?! Вот так каждый день?!

– Да, причем у тебя двойная порция, – вполголоса заметил Фырдуз.

Он не возражал, конечно. Понятное дело – цвергу еды нужно больше. Вон он какой здоровенный. Минотаврам и вардам, наверное, вообще тройные выдают.

– Я не о еде! – рубанул ладонью Тревдохрад. – Каждый день махать кайлом и жрать дерьмо?!

– Да тише ты! Тише! – зашипел Фырдуз. – У кротов слух острее летучемышьего, услышат – избыют!

– Не привыкать, – огрызнулся цверг, все же немного понижая голос. – Но ладно. Ты сам сколько уже тут?

– В этой шахте – четыре луны с малым. А вообще в лагерях – полтора года.

– И что, смирился?! Бежать не пытаешься?!

– Кто пытался – они вон, в отвалах лежат, – скучным голосом сказал кобольд. – Много их таких было.

Тревдохрад заворчал, зло сжимая рукоять кирки. А мимо как раз проходил хобий, нюхая воздух и покрикивая, чтоб не засиживались, чтоб спали, пока сон-час, пока в забоях другая смена. Фырдуз поймал бешеный взгляд цверга и испуганно схватил бородача за руку – не ровен час сорвется, пробьет кроту башку.

За такое хобии казнят быстро и беспощадно.

– Сиди! – зашептал кобольд. – Сиди тихо! Смирно сиди!

– Ты не понимаешь, – процедил цверг. – Мне нужно обратно. В Яминию. К королю. Рассказать ему...

– Рассказать?.. Что рассказать? Ты что, прямо с самим королем знаком?

– Я с ним не просто знаком, – неохотно ответил Тревдохрад. – Ты вот сразу видно, что иноземец. В Яминии имя Окручигетхсторец знают все.

– Не, я не знаю, – криво усмехнулся Фырдуз. – Я это даже повторить-то не смогу.

– А что тут такого? – не понял цверг. – Фамилия как фамилия... но ладно, не важно. Короче, я из знатного рода. И... вот не знаю даже, я тебе доверять-то могу?.. Вдруг ты их подсыл, в доверие ко мне втираешься?

– Э, друг, если б кроты хотели что у тебя выпытать, они бы так не затруднялись, – осклабился Фырдуз. – Отвели бы тебя просто в укромный отнорок, прибили б гвоздями к стене да пещерных клещей в штаны запустили. Ты бы уже через полчаса все бы рассказал и всех бы выдал. А раз тебя не допрашивают – значит, просто не знают, кто ты есть. Тебя как поймали-то, друг?

– Случайно меня поймали, – пробурчал Тревдохрад. – По неосторожности. Я прямо на их патруль нарвался, а они пропуск захотели.

– Ну конечно, тут же закрытая зона. Мифриловые рудники. Ты как вообще прошел, без пропуска-то?

– Был у меня пропуск. Только он, оказалось, не везде действует. Ну меня и взяли... за бродяжничество.

– За бродяжничество?..

– И за сопротивление аресту еще потом. Два дня били, потом сюда перегнали. Здесь снова избили... но это ты уже видел.

– Ну вот и сиди тогда, как таракан в щелке. Затаись. А то еще вспомнят о тебе, займутся... Хочешь, чтоб тобой занялись?

– Нет. Но ты не понимаешь. Если я не вернусь в Яминию и не доложу обо всем, нас застанут расплох.

– Вас – это цвергов?.. То есть кроты правда на вас напасть собираются? А медведи как же?..

– Варды им даром не нужны. Они с ними воют только для виду. Пробьют себе дорогу через Кободард – и на нас ринутся. Подгорному Ханству нужны все Недра, целиком.

– Эх... – вздохнул Фырдуз.

Новости он особо не удивился. И так все знают, что хобии в последние годы возомнили себя золотом среди шлака. Кабы они еще и Наверх не вздумали двинуть... хотя нет, это точно нет.

– Я должен бежать, – угрюмо сказал цверг. – Бежать, пока они не поняли, кого схватили. А если не выйдет... тогда уж лучше смерть.

– Это необязательно, – придвинулся к нему Фырдуз. – Есть... способ.

– Способ бежать?!

– Тихо ты! – зашипел кобольд. – Тихо! Слушай. Я тут уже пятую луну, и я все это время смотрел и слушал. Отсюда никого не выпускают, и сбежать очень сложно... но все-таки можно. Потому что хобии, как ни крути, слепые. Слух и нюх у них раз в десять лучше, чем у нас с тобой, но глаз нет вообще. Этим можно воспользоваться.

– Как?! – жадно схватил кобольда за плечо Тревдохрад.

– Да тихо! Не шуми. Есть у меня одна мысль. Но один не справлюсь, понадобится твоя помощь.

– Все сделаю! Только скажи что!

– Для начала – запастись терпением и ждать. Понадобится кое-что подготовить...

Глава 3

Плацента шел по улице. Хотя в его отношении слово «шел» звучало неуместно. Плацента никогда не ходил просто так, как ходят нормальные люди – спокойно и уверенно, не размышляя о том, куда сделать следующий шаг.

Нет, Плацента всегда либо крался, либо бежал. Подкрадывался к кому-нибудь или улетывал от кого-нибудь. Он ненавидел свою жизнь, но другой жизни у него не было.

Сейчас Плацента крался. Шнырял по городской площади, ощупывая взглядом каждого встречного, особенно пристально глядя на карманы и пояса. В костлявых длинных пальцах иногда сверкала монета – на вид обычная, но с бритвенной остроты краями.

Был яркий полдень, солнце отражалось от окон и снежных шапок на крышах, площадь бурлила народом – но Плацента словно носил плащ-невидимку. Его никто не замечал. Никто не глядел в его сторону.

А кто все-таки глядел – тут же брезгливо отворачивался. Побитый оспой, горбатый, очень маленького роста, с похожим на крысину морду лицом, Плацента ни у кого не вызывал симпатии.

Но его не интересовала симпатия всех этих незнакомцев. Плаценту интересовали только их кошельки. И даже не сами кошельки, а только их содержимое. Обычно он невзначай проводил рукой у кармана раззявы и хватал то, что оттуда вываливалось. Такой ловкий, что мог бы работать жонглером, Плацента не попадался еще ни разу.

Сейчас раззяв на площади хватало. У превращенной в склад ратуши выступали бродячие артисты. Старый кукольник с помощниками – мальчишкой-подростком и девушкой... ох, какой девушкой!.. Зеваки в основном таращились не на тростевую куклу в ее руках, а на обильные выпуклости под красно-желтым трико. Девушка явно это понимала и бесстыдно пользовалась дарованными природой преимуществами.

– Растолкуйте мне, святой отец, что такое «благодать»? – тоненьким голоском пищала она и тут же бурчала глубоким, почти совсем мужским голосом: – Все очень просто, дочь моя. Вот возьмем, скажем, этот огурец и поместим его вот сюда...

Зрители зашлись в восторженном визге. Плешивая кукла, за которую говорила актерка, удивительно ловко ухватила огурец деревянными ручонками и принялась заталкивать в ложбинку, что магнитом притягивала все мужские взгляды.

– Ох, святой отец, к чему же вы такому ведете? – захлопала глазками актерка. – Я глупая деревенская девушка и ваших намеков не понимаю!

К представлению присоединились куклы старика и мальчишки, но на это Плацента уже не смотрел. Он заметил туго набитый кошель, свисающий с пояса толстого лавочника. Пузан похотливо пялился на актерку и больше не видел ничего.

Плаценте только это и требовалось. Он даже решил потом кинуть кукольникам монету-другую – очень уж знатно те отвлекали раззяв.

Зрители хохотали все громче, одобрительно покрикивали после особо острых фразочек. Кукла-охотник в руках мальчишки вооружилась дубинкой и принялась колотить куклу-жреца, а вокруг суетилась кукла-купчиха в руках старика.

Над жрецом смеялись с особенным удовольствием. Кто в Пайнке не знает эту плешь и орлиный нос?

К сожалению, узнаваема кукла оказалась даже чересчур хорошо. Представление так и не закончилось – явились стражники и арестовали актеров. Провожая их взглядом, Плацента насмешливо хихикнул.

Эти ребята – круглые дураки, если считали, что им сойдут с рук насмешки над епископом. Отец Суйм, прозванный Бешеным Святошей, такого не прощает.

А в Эрдезии епископы – это все. Формально страной правит король... ха, король!.. Вслух об этом не болтают, но каждый знает, что король Фонтель в свои тридцать лет имеет разум трехлетнего ребенка. Говорят, этот кретин не умеет даже есть самостоятельно – специальные няньки кормят его с ложечки. Вся власть в руках иерофанта и епископов.

Акторов потом отпустят, конечно. Но плетей выплут от души. И кукол разломают. И деньги отберут, если что успели заработать.

Надолго они запомнят славный город Пайнк.

Плаценту их арест тоже огорчил. Продлись представление подольше, он бы немало кошельков еще распорол. А так успел прикарманить всего пару золотых, горсть серебра и безвкусную брошку с зеленым камушком.

Брошку Плацента решил сразу толкнуть. Он предпочитал звонкую монету. Деньги – они все одинаковые, без отличительных черт. А украшения могут опознать. Плацента не хотел однажды из-за такого пустяка попасть в тюремные подвалы.

Все знают, что Бешеный Святоша делает с ворами.

С площади Плацента убрался, едва на ней появились стражники. Он всегда старался, чтобы его и стражу разделяла пара улиц. Это обычные горожане при виде его морщатся и отворачиваются, а вот стражники зырят с прищуром, внимательно. Дай малейший повод – сразу арестуют.

Что делать – не любят в этом городе гоблинов.

Хотя Плацента вовсе и не гоблин. Гоблином был только его папаша. Однако для людей разницы нет – что гоблин, что полугоблин.

Быть полукровкой в чем-то даже еще хуже. Люди считают его гоблином. Гоблины считают его человеком. Те и другие его сторонятся.

С кем ему водиться? С другими полугоблинами? Так их на свете-то почти нет. Только конченные шлюхи отдаются гоблинам. А чтобы человеческий мужчина позарился на гоблиншу... ха, да такого, верно, и вовсе не бывает. Про Бешеного Святошу, правда, ходят слухи, что он падок на гоблинш... но это уж наверняка вранье.

Во всем городе кроме Плаценты живет только один полугоблин – и, между нами говоря, другого такого выроodka еще поискать.

Всю жизнь Плацента обитал на дне. С самого рождения. Его мать была дешевой проституткой, опустившейся до гоблинов. Более того – от одного из них она понесла и родила скрюченного уродца-полукровку.

Имени своего отца Плацента не знал. Мать тоже. Она и лица-то его не помнила – он был гоблином, а людям все гоблины кажутся одинаковыми. Единственное, что она запомнила, – его деньги.

Он заплатил щедро.

В его жизни отвратительно все. У него самое низкое происхождение из возможных. У него паршивая внешность. Даже имя... когда Плацента появился на свет, его пьяная мамаша долго не могла понять, какой из этих уродливых комков – плацента, а какой – ребенок. Наконец разобравшись, она долго хихикала, а потом дала сыночку вот такое позорное прозвище.

Конечно, сменить имя нетрудно. Но Плацента принципиально не хотел этого делать. Он глубоко презирал окружающий мир и не собирался под него подстраиваться.

Мое имя кажется тебе смешным, сволочь? А мой нож тоже кажется тебе смешным?

С городской площади Плацента крадучись переместился на рыночную. Поменьше размером и у самых ворот, народ она собирает более разношерстный. Здесь и гоблинов хватает, и эльфов, и дармагов. Пару раз Плацента даже орков видал.

Поработать тут тоже можно всегда. Народ на рыночной площади шепотливой, все чем-то заняты, все на что-то глазект, все друг на друга кричат. Деньги то и дело переходят из рук в руки, каждый что-то ищет или что-то тащит.

В восточном конце как раз жуткий шум – два парня торгуют у старика-дармага живую виверну. Зверюга орет, рвется, старик тычет ее острой палкой и одновременно жалится, что дорога, как родная дочь, да деньги нужны.

Впрочем, к виверне Плацента соваться не стал. Там все взвинченные, напряженные. Лучше пройти где потише, бакалейными рядами. Там в основном хозяйки, кумушки-хлопотуны. Среди бабья раззяв полно, уж Плаценте ли не знать.

Ну и слепой Здохча там же сидит, в самом конце. Вонючий гобло, век бы его не видать. Вроде как торгует всякой мелочью, безделушками грошовыми, но это так, для виду. На деле краденое скупает, урод зеленомордый. Платит дай-то боги десятую часть правильной цены.

Сунуть бы ему нож в бочину, крысе.

Но выбор у Плаценты не так чтобы очень велик. Пайнк – городишко не огромный, скупщиков в нем всего-то трое. И с одним Плацента в ссоре, а другой, сволота, платит еще меньше Здохчи.

Всем только и дай нажиться на честном воре.

Однако до Здохчи Плацента немного не дошел. Задержался у книжного лотка Зурнары. Тот, вопреки обыкновению, не продавал, а покупал – покупал какой-то старый листок у дармага.

Дармаг Плаценту сразу заинтересовал. Огромного роста варвар, похожий на ожившую скалу. Явный иноземец, причем откуда-то издалека. Кожа такая бледная, что кажется голубоватой, волосы светлые и очень длинные, заплетенные в несколько кос, лицо сплошь изборождено шрамами. Похоже, этого парня всю жизнь рубили и кромсали.

А говорил он так, словно каждое слово обходилось ему в золотой.

Что именно он там продает Зурнаре, Плацента толком не разглядел. Бумажку какую-то. Зато разглядел он другое – жадность на лице Зурнары. Книжник едва сдерживался, чтобы не закричать от восторга... но предложил всего пять медных монет.

А дармаг в упор не видел, что его дурят, как чечпока!

– Эй-эй-эй, морда, ты че, ты че?! – прошипел Плацента, хватая дармага за рукав. – Ты че, тля, глаза мочой с утра прополоскал?! Не продавай так дешево!

Мектиг Свирепый очень медленно повернулся к воришке. Тот сразу же вызвал у него глухое раздражение. Нахальный, назойливый, да еще и гоблин.

Гоблины. Мектиг ненавидел гоблинов.

Особой разницы между гоблинами и полугоблинами он не видел. Для людей они выглядят почти одинаково.

– Что ты хочешь? – неохотно спросил Мектиг.

– Не слушай его, доблестный воин, это известный вор-карманник! – забеспокоился книжник. – Давай возьми монеты и ступай себе, выпей за мое здоровье!

– Это стоит больше? – спросил Мектиг у Плаценты, показывая бумагу.

– Да дерьма ты ведро, не знаю я, сколько это стоит! Я, тля, тебе кто – гребаный библибобоб?!

– Такого слова нет!.. – подал голос книжник.

– Заткнись, тля! – окрысился Плацента. – Я, тля, не знаю, сколько это стоит, но этот крысотрах тебе точно в уши ссыт! Ты на рожу его глянь!

Мектиг очень медленно повернулся к книжнику. Тот не очень убедительно улыбнулся.

– Сколько дашь ты? – спросил дармаг у Плаценты.

– Да нисколько я тебе не дам! Мне оно ни за свинячий кир не нужно!

Мектиг молча уставился на Плаценту. А того аж перекосило от напряжения – полугоблин что есть мочи соображал, как побольше со всего этого поиметь.

Может, правда просто отсыпать льдоголовому горсть серебра, а потом выгодно перепродать? Но вдруг эта бумажка столько не стоит? У Зурнары теперь не спросишь – на Плаценту он глядит волком, разве что не рычит от злобы.

– Дай-ка хоть глянуть, что там у тебя! – наконец смекнул Плацента.

Мектиг по-прежнему молча показал вырванную из книги страницу.

– Криабал... – недоуменно прочел полугоблин. – Я это вроде слышал где-то... Это просто бумажка? Или чего?

– Она не горит, – пробасил дармаг.

– Че, волшебная?! – оживился Плацента. – Кудесно же! Волшебную мы живо сбудем! Я знаю одну волшебницу – она точно за нее монет отвалит! А если не отвалит, то хотя бы скажет, сколько она стоит! Чур, мне половину!

– Не люблю волшебников, – поморщился Мектиг.

– До тебя че, не доходит, тупой варвар?!

Бледная, испещренная шрамами ручища метнулась быстрее, чем Плацента успел моргнуть. Дармаг схватил его за горло и поднял на весу, словно соломенную куклу.

– Не называй меня тупым, – тихо процедил он.

Плацента задергал руками и ногами. Шею сдавило, точно тисками. Если дармаг нажмет чуть сильнее – просто переломит пополам.

Зурнара смотрел на это с явным удовольствием.

Но Мектиг все же не стал убивать полугоблина. Встряхнув еще разок, он разжал пальцы. А пока Плацента хрипел и кашлял, неохотно спросил:

– Сколько волшебница заплатит? Хватит на коня?

– На коня?.. – моргнул полугоблин.

– Да. Мне нужен конь.

– Да не знаю я, сколько она заплатит! Но уж точно больше, чем этот жмот!

– Эй! – обиженно крикнул Зурнара.

– А за то, что я тебя с ней сведу, – мне половину... хотя ладно, треть, – неохотно буркнул Плацента, потирая горло.

Дармаг ничего не ответил. Невнятно что-то проворчав и поправив секиру на поясе, он зашагал за полугоблином.

Они не увидели, как книжник провожает их злым взглядом, а потом срывается с места и куда-то убегает.

Шагал дармаг тоже молча. Не спрашивал, в какую сторону, долго ли еще идти. Совершенно не тревожился, что полугоблин, быть может, ведет его в ловушку.

А такая мысль у Плаценты мелькала. Останавливало лишь то, что для ловушки нужна... ловушка. Сообщники нужны, которые подготовят западню или просто встретят в темном переулке с ножами и самострелами.

А как подобное подготовишь, если Плацента всего-то полчасика назад и знать не знал об этом варваре с его... интересно, потянет ли вообще несгораемая страница на сокровище? Может, это просто мелкое волшебство, дешевый фокус?

Хотя нет, судя по взгляду Зурнары – как минимум не дешевый.

Ладно, может, так и лучше будет. Все, кого Плацента мог бы подбить на такое дело, охотно ограбят и его самого. А этот льдоголовый, похоже, не из таких.

Интересно, тупой ли он или наивный? Это немного разные вещи.

– Слышь, а тебе вообще неинтересно, кто я такой? – осведомился полугоблин.

– Нет.

– Че, даже не спросишь, как меня зовут?

– Мне все равно.

– Меня зовут Плацента.

Представившись, полугоблин стал ждать реакции. Она всегда была – реакция. И всегда разная.

Но варвар не отреагировал ровным счетом никак. Он молчал с равнодушием булыжника.

– А тебя самого как зовут, тля? – с каким-то даже разочарованием спросил Плацента.

Дармаг продолжал хранить молчание. Словно оглох.

– Ну и кир с тобой. Не хочешь, не отвечай, – сплюнул полугоблин.

– Я Мектиг.

Глава 4

День выдался ветреный. Крапал мелкий дождик, под ногами лежала опавшая листва, а высоко в кронах перекликались какие-то птицы.

Танзена они не интересовали. Никогда не любил птиц. Их тела всегда казались ему неудобными, и он терпеть не мог в них перевоплощаться. Во всей его копилке образов было только три птицы – орел, гусь и ибис.

И то двух последних он добавил в период, когда писал магистерскую диссертацию и добавлял всех, кто попадался под руку. Именно в том году в копилке появились формы с № 53 по № 62, в том числе метла.

Танзен всегда немного стыдился формы № 62. Хотя следует признать, пару раз она неожиданно пригодилась. Смирнехонько стоящая у стеночки метла – великолепная маскировка. Нужно быть воистину параноиком, чтобы заподозрить в ней волшебника, магистра Метаморфозиса и специального агента Кустодиана.

Шагающий рядом практикант понятия не имел, что у наставника есть такая форма. Чего-чего, а этого Танзен ему рассказывать не собирался. Равно как и о форме № 30... о форме № 30 он вообще никому не рассказывал.

А о том, что иногда в ней делает, – тем более.

– Так на кого мы охотимся, мэтр? – спросил практикант.

– Скоро узнаешь, – загадочно ответил Танзен.

– Но хотя бы намекните! Он крупнее человека?

– Узнаешь, – повторил Танзен.

– Но скажите хотя бы, оно зверь, ящер или птица?!

– Уж точно не птица, – пробормотал Танзен.

– Ну пожалуйста, мэтр, ну скажите!

– Не шуми, – поморщился Танзен. – Спугнешь ведь.

Практикант часто закивал, сжимая пальцами губы.

Танзен глянул на него с иронией. Воодушевленный на этот раз попался юнец. Даже восторженный.

Пожалуй, из парня выйдет хороший волшебник.

Хорошо, что практикантов ему теперь дают окончивших бакалавриат. Эти официально уже обучены, уже полноценные волшебники, с ними не так уж и много хлопот. А вот раньше, когда Танзен сам был еще только лицензиатом, ему поручали тех, кто начинал с практики, – и вот с ними порой бывали проблемы.

Особенно с тем... как же его... Танзен не помнил. Увы, он плохо запоминал имена практикантов.

Точнее, даже не пытался запоминать. Давным-давно решил, что их имена – слишком незначительная мелочь, чтобы засорять память. В его журнале учета они все записаны, конечно, но журнал Танзен с собой не таскал.

– Ступай тише, практикант, – вполголоса сказал он. – Раскрой глаза и уши, прочувствуй лес. Все здесь может стать одной из твоих форм. Любой зверь, птица, насекомое. Деревья. Трава. Порыв ветра.

Практикант слушал внимательно. Он не был слишком хорошим учеником, звезд с неба не хватал, но очень старался. Магистр Танзен стал для него настоящим кумиром, хоть он и познакомился с ним только полторы луны назад.

– Сколько всего у тебя сейчас форм? – спросил Танзен.

– Четыре! – гордо ответил практикант. – Петух, бык, лис и воробей!

– Петух?.. – удивился Танзен. – Чем обусловлен такой выбор?

Практикант замялся. А Танзену стало искренне любопытно.

То есть бык, лис и воробей – понятно. Первый – крупный сильный зверь. Не хищник, но способен за себя постоять, пригоден для обороны. Второй – ловкий, юркий, способный прокрасться куда-то незаметно или влезть в нору. Третий – маленькое летающее существо, очень полезно. Все трое популярны у метаморфов и часто берутся в числе первых форм. Бык есть и у самого Танзена – форма № 24.

Но петух?..

– Понимаете, мэтр... вы только не смейтесь, ладно? – с тревогой попросил практикант.

– Не буду, – пообещал Танзен.

– Когда я учился, мне нравилась одна девушка... фермерская дочка. Я... я стеснялся ей признаться. Но мне все равно хотелось – вы только не смейтесь!.. – хотелось проводить с ней время. А на их ферме был петух. Ее любимец. Она все время его гладила, разговаривала с ним...

– Ага... Ну все понятно. А с настоящим петухом ты что сделал?

– Да ничего. Я просто запираю его в сарае, а потом превращаюсь и...

– Не мне тебя осуждать, – пожал плечами Танзен. – Чем закончилось?

– Да... ничем хорошим... – отвел глаза практикант. – Однажды настоящий петух как-то выбрался, прибежал... Матилка испугалась... я тоже испугался... а я был еще школяром, это была моя первая форма... Ну я и превратился обратно... нечаянно...

– И что-то мне подсказывает, что превращаться вместе с одеждой ты тогда еще не умел.

– Не умел, – стыдливо признался практикант. – Это было четыре года назад, я тогда еще ничего почти толком...

Танзен позволил себе улыбнуться. Паренек искренне верит, что теперь он умеет многое.

Но осуждать его Танзен не собирался. Сложно найти школяра, что никогда не использовал магию для чего-нибудь эдакого. Над кем-нибудь подшутить, наказать обидчика, подзаработать денег, впечатлить девушку... Если последствия не слишком серьезны, если никто не пострадал или все удалось исправить – Кустодиан ограничивается предупреждением или вообще закрывает глаза.

А вот с дипломированных волшебников спрашивается строже. Магия – штука соблазнительная, ею очень легко начать злоупотреблять. Танзен и сам порой испытывал сильное искушение – а ведь он страж закона, служит в Кустодиане.

Что уж говорить о других?

Послышался шорох, и уши Танзена встали торчком. Сейчас он пребывал в форме № 15 (кистеухий фелин). Слух и обоняние фелинов куда острее человеческого, зрение тоже отличное, так что охотники они превосходные. Танзен всегда ходил в этой форме, когда кого-нибудь выслеживал.

Практикант, находившийся в своей форме № 0, ничего не услышал. Танзен крепко схватил его за предплечье, стараясь не выпускать когти.

– Дальше ни шагу, – прошептал Танзен. – Присмотрись к тому кусту.

Практикант некоторое время тщетно присматривался. Куст выглядел как обычный куст. Пышный, ярко-зеленый, с крошечными розовыми цветочками. Не почувствуй Танзен запаха, он бы не отличил его от остальных зарослей.

– Вглядишься в ауру, – посоветовал Танзен. – Пристально. Что видишь?

Практикант принялся шуриться. Похоже, по духовидению у него были не лучшие оценки. Но в конце концов он таки узрел. Его рот и глаза изумленно округлились.

– Кто это, мэтр?! – вскрикнул он.

– Не шуми! – едва не ударил его Танзен. – Сбежит!.. Или нападет!.. Это шишечник.

Практикант сдавленно ойкнул. Ему думалось, что они охотятся на зайца, оленя или еще что-нибудь безобидное. А тут – подумать только! – шишечник!

Конечно, никуда он не сбежит. Шишечники вообще плохо бегают. Эта зверюга, похожая на гигантского панголина, охотится из засады. Чтобы замаскироваться, шишечник раздвигает чешую, забирается в самую чашу и снова сдвигает ее, защемляя кучу ветвей и листы. Став похожим на гигантский куст, шишечник замирает в укромном месте, ждет, пока кто-нибудь подойдет поближе, и хватает своим длинным, липким, удивительно сильным языком.

Танзен не знал точно, какой длины язык шишечника. Но, судя по тому, что он их еще не схватил, – короче двадцати локтей.

– Стой в сторонке и внимательно наблюдай, практикант, – велел Танзен. – Шишечник нужен нам живым и здоровым, непокалеченным и бодрствующим, но при этом неподвижным. Как этого добиться?

– Ну-у-у... – замялся практикант.

Танзен терпеливо ждал ответа. Да, нет ничего сложного в снятии матрицы с ручного или пойманного животного. В Клеверном Ансамбле есть целый зверинец, фонд живых образцов, с которых снимают матрицы студенты.

Нет проблем и с разумными существами. Им всегда можно заплатить за помощь или даже просто попросить. Форма № 15, например, по-настоящему зовется мэтр Суакрро, и когда-то они с Танзеном были однокашниками.

Ну а проще всего, понятно, с неодушевленными объектами. Хотя и проку от них немного – разве что для маскировки. Иные метаморфы способны в таких формах двигаться, но это доступно уже не каждому.

А вот дикие, порой опасные животные... с ними проблемы бывают.

Шишечник – очень опасный зверь.

Вначале Танзен принял форму № 63 (бабочка). Практикант восхищенно ахнул – с такой скоростью превратился мэтр. Вот только что стоял фелином, ростом почти с человека, – а вот его тело уже сократилось, сжалось до крохотного насекомого.

Перехода не удалось даже заметить.

В этой форме Танзен запорхал к кусту-шишечнику. Старательно работал крыльями, разгонял резко загустевший воздух.

Такие сильные перепады в размерах – это трудно, это очень бьет по мозгам. Массу тела нельзя просто взять и убрать в никуда – ее нужно куда-то временно пристроить. И не слишком далеко, потому что потом она снова понадобится. Каждый метаморф – по сути живой пространственный карман.

И нужно постоянно помнить, кто ты есть. Тело диктует разуму поведение. Человеческим мыслям привычно в человеческом мозге и очень неуютно в мозге насекомого.

Хотя какой там вообще мозг? Нет у них мозга. Только цепь ганглий. Расслабься ненадолго, позволь телу себя вести – и оглянуться не успеешь, как начнешь счастливо сосать нектар.

Но и противиться тоже нельзя. Слишком огромна разница между приматом и чешуекрылым. У человека нет нужных навыков, инстинктов. Крылья. Шесть лап. Совершенно другой спектр чувств. Принципиально иная физиология. Оставаясь самим собой, человек в этом всем захлебнется, не сумеет даже пошевелиться.

Поэтому нужно выдерживать баланс. Стать бабочкой не только снаружи, но и внутри – вплоть до инстинктов. Но при этом ни на секунду не забывать, что ты человек и волшебник. Повторять себе это мысленно или вслух. Поступать разумно, совершать хотя бы изредка нехарактерные для животного поступки.

Сложно.

Но когда Танзен приземлился на шишечника, стало еще сложнее. Все так же в мгновение ока он принял форму № 79 (сметанный элементарь).

Именно сметанный. Танзен ужасно гордился этой своей находкой. Заполучить в коллекцию такую форму было непросто, но с его помощью он сумел снять матрицы с нескольких очень непростых созданий.

Оказавшись вдруг накрыт парой валунов жирной густой сметаны, шишечник страшно перепугался. Вскочил на все четыре лапы, задергался – но Танзен держал его прочно. Сдавливал со всех сторон вязкими объятиями, становился все гуще и жирнее.

Мысли его тоже стали жирными, вязкими. Ведь он превратился уже даже не в насекомое, а просто в ожившую сметану. Очень много ожившей сметаны.

Как себя при этом чувствуешь, объяснить невозможно – нету в людских языках таких слов.

Обычная сметана шишечника бы не удержала. Это же не клей, не смола. Но сметанный элементаль – это не обычная сметана. Это разумная, очень волшебная субстанция. Ее свойства варьируются по воле самого элементаля.

В определенных пределах, разумеется.

Буквально утопив шишечника в сметане, Танзен выждал еще минуту-другую. И когда тот окончательно перестал дергаться – активировал парализующие чары.

Этому в институте Метаморфозис уже не учат. Но слишком узкая специализация – тоже нехорошо. Все посещают факультативы, все овладевают хотя бы парочкой заклятий из других областей. На пятом году обучения Танзен взял курс в Монстрамине и выучил несколько обездвиживающих заклятий.

Обычный паралич в данном случае не годится. Зверь должен быть в полном сознании, иначе матрица выйдет неточной. Ведь метаморфу нужно получить не только внешнюю оболочку. Нужен слепок разума, характера. Повадки животного, инстинкты, восприятие. Это необходимо, чтобы уверенно чувствовать себя в другом обличье.

Форма, скопированная только внешне, подобна слишком просторным доспехам. Носить можно, сражаться нельзя.

И это еще не все. Чем сильнее объект отличается от тебя самого, тем труднее снять матрицу. Значение имеет каждая деталь – объем, масса, химический и астральный состав, таксон, даже пол и возраст. И чем больше матриц в твоей копилке, тем тяжелее даются новые, так что добавлять всех, кого встретишь, – не самая умная стратегия. Старые-то просто так не забудешь, волшебная память – штука упрямая.

Обездвижив шишечника, Танзен подозвал практиканта и велел считать его. Это не должно быть для него слишком трудным, поскольку шишечник хоть и крупное, но обычное животное. К тому же млекопитающее. Если среди форм практиканта есть птицы, он уже снимал более сложные матрицы.

Так оно и вышло. Вместе с наставником практикант тщательно и скрупулезно вошел в ауру зверя, погрузился в его астральное тело и вобрал в себя каждый гран, каждую крохотную частичку.

Принял шишечника.

Понял шишечника.

Сам стал шишечником.

– Контрольное превращение, – скомандовал Танзен по завершении.

Практикант напрягся, надулся и принялся расширяться во все стороны. Опустился на четвереньки, обращая руки и ноги в пару коротких лап, покрылся жесткой роговой чешуей, выпустил сзади длинный толстый хвост. Лицо удлинилось, становясь звериной мордой, а из пасти невольно высунулся длиннющий, с непривычки плохо контролируемый язык.

Поскольку матрица снималась как есть, шишечник-практикант оказался таким же «кустообразным», как оригинал. Из щелей меж чешуями торчали ветви, листья, розовые цветы.

– Удовлетворительно, – кивнул Танзен, критически осмотрев результат.

Сам он тоже совершил контрольное превращение. Правда, в отличие от практиканта в новую форму переметнулся за долю секунды, быстро проверил работу органов, ненадолго отдался звериным инстинктам и тут же вернулся в форму № 50 (сорокалетний человек). В этой форме он находился обычно.

– Возвращаемся, – сказал он практиканту.

Тот еще не до конца стал человеком. Язык не помещался во рту, свисая аж до ключиц, а сзади по-прежнему выпирал здоровенный хвост. Но где-то через полминуты практикант вернулся все на место, обретя форму № 0.

– Это у меня теперь уже пятая форма, мэтр! – счастливо поделился он. – Пятая! А у вас она какая по счету? Или вы уже не считаете?

– Считаю, разумеется. Все считают. Это будет форма № 99.

– Девяносто девятая?! – изумленно ахнул практикант. – Мэтр, у вас уже девяносто девять форм?! А следующая – сотая?!

– Да, юбилейная. Ее я хочу подобрать какую-нибудь особенную...

Танзен чуть улыбнулся, окидывая свою коллекцию мысленным взором. Большая, богатая коллекция. Почти полвека Танзен ее собирал. Люди и нелюди, позвоночные и беспозвоночные, демоны и нежить, элементали и неодушевленные предметы. Большинство форм – в общем-то заурядные, а некоторые так вовсе бесполезные, непонятно зачем присоединенные... но есть и очень редкие, получить которые было действительно сложно.

Особенно Танзен гордился формами № 84, № 85 и № 86. То был плодотворный год.

– На сегодня закончили, – сказал он практиканту. – Практическое занятие зачтено. Напомнишь, когда вернемся, проставить в журнал.

Обратно шли пешком. Танзен мог довести их в форме № 2 или № 35, но торопиться было некуда. Они и на охоту-то отправились, потому что надоело сидеть в четырех стенах, ожидая, когда Оркатти наткнется на след.

И едва Танзен об этом подумал, как висок словно царапнуло парой коготков.

– Открыто, – мысленно произнес Танзен.

– Я нашел, – беззвучно прошелестел чужой голос в сознании. – Он очень хорошо закрылся, но я его нащупал. Он в Суи, в гостинице. Возможно, он меня засек – лучше не мешкать.

Танзен на секунду задумался. Суи на противоположной стороне от Дурр-Теграра, в котором Танзен с командой встали лагерем. Если возвращаться на базу, а потом в Суи – это минимум час, даже если лететь в форме № 6.

Но если двинуться прямо отсюда, можно успеть втрое быстрее.

– Садись и держись крепче, – велел он практиканту, принимая форму № 2 (конь).

Очень резвый то был жеребец. Оригинал давным-давно скончался от старости, но снятая с него матрица по-прежнему жила в коллекции Танзена и наделяла его отличной скоростью. У него есть и более быстрые формы, но они либо не могут увести человека, либо неприемлемы по иным причинам.

Седла, правда, при Танзене не было. Практикант к тому же сидел довольно неуклюже, держался прямо за гриву и ощутимо потел. Танзен чувствовал это даже сквозь шерсть.

Нести на спине довольно-таки увесистого парня было не то чтобы удовольствием. Да и резко расширившийся угол зрения первые минуту-две выводил из равновесия.

Танзен вообще труднее всего привыкал именно к изменениям в зрении. В одних формах он мог разглядеть булавку на другом конце поля, а в других становился почти или даже совсем слепым. Многие существа видят меньше или больше цветов, чем человек. Глаза у всех разной формы и сидят в разных местах. Насекомые видят мир совершенно фантастическим образом.

А уж что творится в «зрении» элементалей, сложно даже описать.

Но подобные перемены для метаморфа – повседневность.

Городок Суи раскинулся в небольшой долинке меж заросшими лесом холмами. Было то удивительно приятное, умиротворенное, а главное – тихое местечко. Едва ли сотня домов, по большей части одноэтажных. Ратуша. Церквушка. Пара лавок. Совмещенная с кабаком гостиница. Вот и все в общем-то. Нет даже гавани – единственный на острове городок вдали от моря.

Неудивительно, что Дхохаж Сукрутурре затаился именно здесь.

Танзен разыскивал этого типа целую луну. Хотя и всего лишь специалист, следы он запутал неплохо. Целую луну Танзен с практикантом и двумя помощниками переезжали с острова на остров, каждый раз узнавая, что Сукрутурре здесь был, но уже уехал. Не будь Оркатти таким отличным психозрителем, не будь у самого Танзена формы № 27, они бы давно уж его потеряли.

Но теперь все. Теперь Танзен его наконец-то возьмет.

Раньше Сукрутурре был государственным служащим. Работал в налоговой инспекции Синдиката Великой Верфи, с помощью волшебства выискивал уклонистов и махинаторов.

Нужная и полезная должность.

Только вот проворовался Сукрутурре. Двадцать лет сидел на своем посту – и двадцать лет брал взятки. Греб обеими руками. А потом, когда все наконец-то вскрылось, – потерялся на далеких островах, в самой глухой провинции Синдиката.

Причем ладно бы он просто брал взятки. Среди налоговых инспекторов такое встречается. В иных державах это вовсе скорее норма, чем отклонение. Подобными преступлениями занимаются местные власти, отнюдь не Кустодиан.

Но Сукрутурре – волшебник. Лицензиат Спектуцерна, гипнотический факультет. И взятки он выманивал с помощью своих способностей, а потом с помощью них же заставлял обо всем забыть. Регулярно злонамеренно воздействовал на разумы обывателей.

И это – один из худших проступков для волшебника. Уличенного отправляют в Карцеру на очень долгий срок. Ибо если пойдут слухи, что Мистерия контролирует людские умы... страшно представить, что тогда будет.

Молнии и огненные шары так не пугают. Просто убить нетрудно и ножом. Для сожжения дома достаточно спичек. Разломать городские стены можно катапультией. Все это доступно и обычным людям.

А вот незримые ментальные щупальца, заползшие под череп, – это страшно. Как определить, что ты – все еще ты? Что твои мысли все еще принадлежат тебе, а не насланы чужой волей? Что тебя незаметно не дергает за ниточки злой колдун?

К подобным способностям везде относятся настороженно – и людей сложно в этом винить.

И именно потому, что он из Спектуцерна, действовать нужно осмотрительно. Танзен изучал его досье – Сукрутурре хорош в затуманивании разума, спутывании мыслей. Конечно, через ментальную защиту Танзена ему не проломиться, но остается ведь практикант. Он дипломированный волшебник, бакалавр, но выпущен всего пару лун назад и опыта ему еще недостает...

– Что у тебя было по протекционистике? – спросил Танзен.

Практикант замялся, отводя взгляд. В его характеристике, конечно, все оценки проставлены, но Танзен не очень внимательно ее изучал.

– Не очень хорошо, да? – хмыкнул Танзен. – Ладно, просто держись позади. И если вдруг почувствуешь себя как-нибудь неправильно, сразу скажи.

Городок Суи не очень часто посещали иноземцы. В единственной гостинице было всего четыре номера, причем один использовался как кладовая.

Зато на первом этаже дым стоял коромыслом. Будучи единственным же в городке кабаком, заведении «У грации» каждый вечер собирало кучу народа.

За столами сидели шумные компании, кабатчик смешивал причудливые коктейли, и была даже живая музыка. Хрупкая, очень красивая девушка пела что-то на эльдуальяне, а аккомпанировал ей пианист-троль. Огромный, похожий на ожившую корягу, он так лихо дубасил по клавишам, что пианино то и дело отъезжало назад. Тогда музыка прерывалась, троль хватал инструмент шишковатыми ручищами и подтягивал его к себе.

В одну из таких пауз Танзен и показал кабатчику инкарну с лицом Сукрутурре. Тот сразу его узнал.

– Постоялец наш, – закатил глаза кабатчик. – Десятый день уже живет. И бесплатно. По счету не платит, съезжать не хочет, а если что не по его – так сразу в крик.

– А что ж вы его не вытурите?

– Мм... – задумался кабатчик. – Ну... Э... Хм...

У него аж лоб пошел складками – так он старался придумать причину. Кабатчику явно казалось самоочевидным, что выгонять этого постояльца нельзя, но почему нельзя – он понятия не имел.

Видимо, чары Убеждения или что-то подобное.

Но не очень мощные. Мощное Убеждение сняло бы вообще все вопросы. Жертва даже не пыталась бы потребовать плату или искренне бы верила, что уже ее получила.

Сукрутурре что-то сдерживает? Он не осмеливается колдовать в полную силу? Или просто догадался, что Оркатти «читает» его ментальные волны?

– Это наш друг, – сказал Танзен кабатчику. – Мы оплатим его счет.

– Правда?! – просветлело лицо кабатчика. – О, тогда добро пожаловать! Он во втором номере.

– Благодарю.

Поднявшись по скрипучей, явно не слишком часто тревожимой лестнице, Танзен подошел ко второй двери. Практикант остался ждать снаружи, присматривать за окнами.

– Мэтр Сукрутурре? – постучался волшебник.

– Да!.. – донеслось из-за двери. – А... а вы кто?! Вы откуда знаете?!

– Кустодиан. Открывайте, мэтр Сукрутурре, вы арестованы.

Из комнаты послышался грохот. Чем бы ни занимался там Сукрутурре, сдаваться похорошему он явно не планировал. Так что Танзен принял форму № 52 и шарахнул в дверь.

Под весом огромной горной гориллы та рухнула, как фанерная.

Глава 5

С самого утра Джиданна размышляла о том, что однажды все умрут. Все вообще. Каждый человек в мире. Хорошие и плохие, добрые и злые, толстые и худые, красивые и уродливые.

А самое паршивое то, что Джиданна тоже однажды умрет.

Собственно, только это ее и беспокоило.

Вообще, день прошел примерно так же, как все ее дни. Утром Джиданна с крайней неохотой прибралась в квартирке, что в ее случае означало заметание мусора под кровать. Потом минут двадцать лежала в ванне, размышляя о том, что однажды все умрут. Потом болтала по дальнзеркалу с каким-то парнем в Мистерии. Потом состряпала мерзотный завтрак из того немногого, что оставалось в холодильном сундуке. Потом читала скучную, скверно написанную книгу. Потом лежала на полу и смотрела на грязный потолок, размышляя о том, что однажды все умрут.

А теперь ей снова захотелось есть.

Переворачиваясь набок, Джиданна вдруг заметила в углу комнаты блеск. Луч вечернего солнца очень удачно упал, отразившись от завалившейся в щель... монеты?!

Точно, монета! Джиданна резко поднялась на четвереньки и поползла к внезапной находке. Та блестела так сладко, так соблазнительно!..

Серебро. Серебро, божьи толстые задницы, серебро! Целый серебряный ханниг! Восемь... или даже девять хлебов!

Джиданна не помнила, какой там сейчас курс.

Конечно, в Эрдезии ханниги дешевы. Покойный отец нынешнего короля был тем еще сквалыгой. Мало ему было кучи новых поборов – он еще и до предела снизил пробу монет. Серебро при нем сначала разбавляли примесями, а потом вовсе стали чеканить из меди и серебрить.

Правда, долго такие монеты не прожили. Очень уж стремительно падал курс. Посеребрение мгновенно стиралось, вскоре «медные носы» перестали принимать совсем, так что король скрепя сердце вернулся к нормальной чеканке. Сквалыжным, разбавленным, но все же серебряным монетам.

Ну да и храк с ним. Сейчас эта коронованная задница наверняка парится в каком-нибудь воздаяте пострашнее. А монета, чудесная серебряная монета – она вот, уже у Джиданны в руках!

Так думала она почти целую секунду. Но промелькнула рыжая тень, и монета оказалась в зубах белки. Джиданна ахнула, поползла быстрее, но было уже поздно.

Белка мгновенно сточила серебряный кругляшок и облизнулась.

– Паргоново пламя... – тяжело вздохнула Джиданна.

Есть захотелось еще сильнее. Она не без труда оторвала себя от пола, усадила за стол и мрачно уставилась на бурду, оставшуюся от завтрака. Простояв в миске несколько часов, та стала выглядеть еще мерзотнее.

Хотя утром казалось, что дальше уже некуда.

– Мне надо найти работу, – тоскливо произнесла Джиданна. – Я не хочу есть это дерьмо. Но работать я тоже не хочу. Я волшебница, я не обязана работать.

– Я бы тоже чего-нибудь съела, – плаксиво сказала белка, взбираясь на стол. – Надоело грызть камни.

– Если бы ты не сожрала эту монету, я бы сейчас не ела это дерьмо, – укоризненно глянула на нее Джиданна. – Будь проклят тот день, когда я взяла в фамильяры императорскую белку!

Белка обиженно чихнула и принялась тереть нос, словно самый обычный грызун. Собственно, внешне она ничем и не отличалась от самого обычного грызуна.

Но внутри... о, внутри этого крохотного существа творилось что-то невообразимое!

Императорские белки – чрезвычайно редкие зверушки. И чрезвычайно волшебные – магия разве что не сочится у них из задниц. Как единороги или фениксы, только белки. Для фамильяра – идеальный вариант. Когда Джиданне выпал случай таким обзавестись, она долго не думала... хотя следовало бы!

Ибо императорские белки, увы, питаются не орешками. Они едят камни и металлы – причем не какие-нибудь, а самые дорогие. Самоцветы и драгоценности, вот что жрут эти твари. Богачи и казначеи обливаются потом при одной мысли о такой белке, забравшейся в сокровищницу.

К счастью, при нужде императорская белка может жрать и что подешевле. Иначе Джиданна свою бы точно не прокормила. Но от меди у них газы, от мрамора портятся зубы, от железа тошнит, а от гранита делается дурно. Золото и изумруды – вот идеальная диета для императорской белки. А обычные металлы и минералы – что ветки и кора для зайцев. С голоду не сохнет, но и только-то.

Неудачный выбор фамильяра был лишь одной из долгой череды неудач. Джиданна Спецел была очень талантливой, очень способной волшебницей – но ее чуть ли не с рождения преследовал злой рок. Во многом обусловленный, впрочем, ее же собственным характером. Джиданна терпеть не могла работать, брать на себя ответственность, да и вообще весь мир.

За собой она тоже никогда не следила, хотя вообще-то боги создали ее привлекательной. Ей не нравилось мыться – и кожа стала соляной. Она обожала сладости – и у нее наметился второй подбородок. Она все время теряла расческу – и волосы стали похожими на воронье гнездо. К тому же она плохо видела, поэтому носила очки – очень уродливые, в роговой оправе, с толстенными стеклами.

В целом ее можно было все-таки назвать миловидной... но при очень плохом освещении. При том что Джиданне едва перевалило за тридцать, с мужчинами у нее совершенно не складывалось.

Впрочем, мужчин она тоже терпеть не могла.

Всю жизнь Джиданна чувствовала себя неудачницей. Она смертельно завидовала тем волшебникам, что устроились на теплые местечки. Как здорово быть преподавателем в Клеверном Ансамбле или придворным магом у какого-нибудь короля! Живи себе припеваючи и в ус не дуй!

Только в Клеверный Ансамбль кого попало не берут. Да и в придворные маги так запросто не попасть. Вот и приходится перебиваться своими силами.

Хорошо тем, чье волшебство пользуется спросом. У адепта Даксимулета или Фармакополиума всегда полно клиентов. Всем нужны талисманы и эликсиры. К адепту Скрибонизия идут за рунами, к адепту Энормира – за минимамы, к адепту Трамеза – за быстрым путешествием на другой конец света.

Но адепт Униониса... будь проклят тот день, когда Джиданна поступила на факультет великодушия! Почему она не пошла в Вакуумад – ведь в Делектории ей предлагали и такой вариант! Сейчас бы целая армия немтырей исполняла ее прихоти!

Увы, таланты Джиданны не находят спроса в этом жалком городишке. Редко-редко зайдет клиент, да и тот обычно хочет чего-нибудь такого, чего Джиданна не может дать.

И всяк норовит получить сундук самоцветов за медный хольдарк! Эти кретины просто не желают понимать, что волшебник, способный исполнить любое желание, не станет сидеть в грязной мансарде и колдовать на заказ!

В дверь громко постучали. В глазах Джиданны загорелась надежда – вот если б клиент!.. Быть может, опять у мессира Анни разыгралась подагра? Один из немногих ее постоянных посетителей, он платит довольно щедро.

Увы, это оказался не мессир Анни. И вообще не клиент. То были соседи снизу – сумасшедшая старуха и ее сын, огромного роста детина. С визгом и воплями старуха принялась обвинять Джиданну, что та насылает на нее проклятия сквозь пол. В очередной раз.

Чокнутая бабка стабильно заявлялась дважды в луну. Каждый раз орала и брызгала слюной, каждый раз называла Джиданну ведьмой и угрожала заявить в Инквизиторий.

Джиданна выслушивала молча, с холодной отстраненностью. В прошлом году, когда это только началось, она еще пыталась протестовать, оправдываться, попробовала даже пригрозить... но в результате старуха лишь уверилась в своих подозрениях. Теперь она каждый раз заявлялась с сыном. Тот из-за этого откровенно страдал, но мать свою очень любил, а потому не спорил.

Иногда Джиданна размышляла над тем, чтобы и вправду сотворить что-нибудь со старухой. Но дальше размышлений дело никогда не заходило. Проще уж немного подождать – вряд ли эта карга еще долго пробудет среди живых.

В конце концов старуха выдохлась и убрела, грозно потрясая клюкой. Ее сын промычал что-то виновато-неразборчивое и потопал следом. Джиданна некоторое время смотрела на узенькую лестницу пустым взглядом, а потом резко захлопнула дверь.

Она жила под самой крышей, на как бы четвертом этаже. Нижние три делились на нормальные квартиры с нормальными жильцами. Четвертый же был скорее чердаком и имел три мансарды, к каждой из которых вела отдельная лестница.

Мансарду слева домовладелец отдал своему племяннику – подкармливаемому из жалости пьянице. В мансарду справа, желая прослыть меценатом, поселил нищего поэта. Ну а центральную получила мэтресс Спецеял.

За квартиру Джиданна не платила. Домовладельцу было лестно иметь среди жильцов волшебницу. Очень бедную, вечно голодную и какую-то замызанную, но самую настоящую, причем лиценziata. Он даже повесил табличку на воротах, гордо сообщая об этом миру.

Жаль, клиентов это Джиданне особо не прибавляло.

В дверь снова постучали. Решив, что это вернулась изливаться желчь старуха, Джиданна сунула голову под подушку и притворилась глухой. Но стук не прекращался, становился все громче и настойчивей.

А поскольку существовала все же крохотная вероятность, что это клиент, волшебница неохотно открывала. И закатила глаза, увидев того, кто пришел.

Ее разочарование можно было намазать на хлеб.

– Привет, Жи-Жи! – протиснулся в каморку горбатый полугоблин. – У тебя чего холодно-то так?!

– Дрова кончились, – равнодушно ответила волшебница. – И для тебя я мэтресс Спецеял. Или Джиданна хотя бы.

Плацента сделал вид, что не слышит. Шныряя по единственной в мансарде комнате и суя повсюду нос, он коротко изложил свое дело. Переступивший порог Мектиг Свирепый мрачно уставился на Джиданну, крепко сжимая страницу.

Волшебники. Мектиг ненавидел волшебников.

– Ты в своем уме, коротышка? – вяло спросила Джиданна, уяснив суть дела. – Не куплю я у вас ничего, разумеется. У меня в карманах пусто, как у тебя в башке.

– Вот дерьма тебе в лицо, ты ж волшебница! – возмутился Плацента. – Что я, тля, зря сюда тащился?! Мектиг, тля, эта дырка от котла нас прокинуть хочет!

– Эй. За речью следи, – хмуро велела Джиданна. На плечо ей взобралась белка и сердито застрекотала. – Вот именно.

– Че она сказала? – с интересом повернулся полугоблин.

– Ничего, что тебе захотелось бы услышать. И если у вас нет ко мне дела поинтереснее, выйдите и закройте за собой двери.

– Ну сучий потрох, какого рожна ты тут сидишь, задницу отращиваешь, если от тебя толку меньше, чем от дырявой кишки?! Ты хоть посмотри, че мы принесли, скажи, скока оно стоит!

– Чего ради я буду напрягаться? – лениво почесала щеку Джиданна.

– Серебруху дам, – неохотно сказал Плацента. – Одну.

– Давай сюда, только быстро.

Мектиг издал сдавленный рык и положил страницу на стол. К ней тут же подскочила белка-фамильяр, обнюхала и пискляво чихнула.

А вот Джиданна... Джиданна вперилась в нее жадным взглядом. У нее мгновенно пересохли губы, и она невольно их облизнула.

Плацента это заметил. Вертлявый полугоблин вообще много чего замечал. Сейчас, например, он уже знал, что купить Джиданна у них точно ничего не купит, потому что денег у нее нет даже на нормальный ужин.

Видно, совсем плохи дела у волшебницы.

Большую часть мансарды занимала всякая рухлядь. Старая продавленная кровать, хромоногий стол, сервант с антикварной посудой, горы пыльных ветхих книг, несколько давно вышедших из моды платьев...

Имелись, впрочем, и ценные вещички. В бронзовом сундуке лежал довольно крупный еще хладкамень, на тумбочке громоздились склянки и бутылки с разноцветными жидкостями, а одна из дверей шкафа была очень соблазнительно заперта.

Ключа, конечно, не было. Но когда это Плаценту останавливали такие мелочи?

– Не трогай шкаф, – рассеянно велела Джиданна, изучая страницу. – Я там хаотичный портал поставила... все забываю его доделать...

Успевший уже вскрыть замок Плацента все равно машинально распахнул дверь и изумленно уставился на заснеженный лес и дудящего в рожок фавна.

– Тля... – выпучил глаза полугоблин, закрывая шкаф и прислоняясь к нему спиной.

Через пару секунд он оправился от изумления и снова сунул туда нос, но фавна в шкафу уже не было. Только две поеденных молью шубы и безвкусная розовая шляпка.

– Не лезь, говорю! – повысила голос Джиданна. – Провалишься в какую-нибудь дыру и сгинешь навсегда!.. Хотя ладно, лезь.

Мектиг, все это время осматривавший комнату исподлобья, наконец решил, что опасности нет. Крайне неохотно он убрал ладонь с рукояти Крушилы и уселся напротив волшебницы. Хлипкий стульчик затрещал под могучим дармагом, но все-таки выстоял.

Плацента же оставил шкаф и перебрался к тумбочке. Каждую скляночку, каждый флакончик он осмотрел и обнюхал, прочел надписи на ярлыках, а некоторые встряхнул, любясь оседанием мути.

Одна этикетка его особенно заинтересовала. Прочтя ее дважды, полугоблин сально ухмыльнулся, покосился на сосредоточенную Джиданну и сделал большой глоток. Скривился от мерзкого вкуса, прислушался к внутренним ощущениям и отхлебнул еще.

– Э, слышь, Жи-Джи, ты все правильно тут наकिрачила? – спросил он, так и не дождавшись эффекта. – Че-та у меня ниче не это... ну это...

– Эликсир еще не закончен, – буркнула волшебница, поглядев, что он держит.

– А-а, то-то я смотрю... – поставил склянку Плацента. – А когда ты его закончишь?

– Да бушук его знает. Чтобы все получилось, нужно смешать в правильных пропорциях демоническое вино, мед, эльфийский клевер, коровью мочу и сорочьье сердце, а потом три дня кипятить и читать заклинания. Но у меня нету сорочьего сердца, эльфийского клевера и демонического вина. И мед тоже кончился.

– Зачем это нужно? – впервые разжал губы Мектиг.

– Что нужно? – не поняла Джиданна.

– Твое зелье. Что оно делает?

Джиданна сказала. Плацента противно захихикал и отхлебнул еще раз. Он слышал и понял, что эликсир не закончен, но решил, что волшебница могла и наврать.

Плацента вообще мало кому верил на слово.

– Зачем тебе это? – снова спросил Мектиг. – Ты сумасшедшая?

– Я не сумасшедшая, – хмуро ответила Джиданна. – Просто у меня плохое настроение.

– И давно? – спросил Плацента.

– Да нет, недавно. Сейчас... который у нас сейчас час?.. Последние лет тридцать где-то.

Рассмотрев страницу с обеих сторон, Джиданна тяжело вздохнула и потеряла виски. Разумеется, она сразу же поняла, что перед ней. Даже не нужно ничего читать – достаточно взглянуть на ауру.

И теперь волшебница пыталась решить, что ей с этим делать. Находка, конечно, бесценная, потрясающая, но... от нее будет столько проблем... Джиданна ненавидела проблемы, ненавидела напрягаться, ненавидела вообще покидать комнату.

Но полчаса назад она не знала, что будет есть завтра. Да и сейчас не знает. Просто взять и проигнорировать подобный шанс – как минимум глупо.

Возможно, потом она будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

– Чаю хотите? – неохотно спросила Джиданна.

Мектиг медленно наклонил голову, Плацента тоже не отказался. Джиданна вскипятила воду на почти истаявшем жаркамне, заварила чай и разлила по чашкам.

– Не отравленный? – прищурился Плацента.

– Нет, – пробурчала волшебница.

Нельзя сказать, что у нее не мелькнула такая мысль. Избавиться от этих двоих и забрать их находку. Кто знает, что они здесь? Кто видел, как они входили? Варвар явился издалека, у него в Пайнке никого нет, а исчезновение вора всех только обрадует.

Но дальше шальной мысли дело не зашло. Если она останется одна, придется самой что-то предпринимать. Брать на себя инициативу.

А Джиданна это терпеть не могла.

– Можно еще ложечку сахара? – спросил Плацента, отхлебывая бурый кипяток.

– Клади, если совести нет.

Совести у Плаценты не было никогда, так что он спокойно наложил себе сахара столько, что в чайном озере вырос белый островок. Прихлебывая эту вязкую, сиропно-сладкую жижу, полугоблин прочавкал:

– Ну так че там? Скока эта подтирка стоит?

– Как вам сказать... – задумчиво молвила Джиданна. – У этого... предмета есть три разных стоимости. В зависимости от того, что именно вы в ней видите.

– А че мы в ней видим?

– Если рассматривать эту страницу саму по себе, то это просто вырванная из книги страница. И сама по себе она не стоит ничего.

– Так. А че тогда Зурнара ее хотел?

– Зурнара – это книготорговец?.. – уточнила Джиданна. – Да, для книжников, ценителей, коллекционеров эта страница ценна. И очень. Я бы сказала, крайне ценна.

– Вот это уже лучше! – оживился Плацента. – Скока там в хдарках?

– Понятия не имею. Ценность у этой страницы историческая. Это очень древний культурный артефакт. Времен... я даже не знаю, каких именно времен. Очень древняя. По миру ходит несколько подделок, но настоящая... настоящая считалась утерянной. До сих пор. Вы где ее нашли?

– Это не я, это вот льдоголовый, – указал на Мектига Плацента.

– Ты где ее нашел? – спросила Джиданна.

– Там, – процедил Мектиг. – Лежала. Я взял.

– Он не очень разговорчивый, – хмыкнул Плацента.

– Ладно, не важно. Эта штука такая ценная, потому что... вот вы что вообще знаете о древней истории? Об очень древней.

– Мм... ничего.

Мектиг вообще промолчал.

– Ладно, не буду лишать ваши черепа великолепного эха, – спокойно сказала Джиданна. – Просто если вкратце – очень-очень давно жил на свете очень-очень великий волшебник. Бриар Всемогущий.

– Это который премия Бриара? – перебил Плацента.

– А, что-то ты все-таки слышал. Да, в его честь названа наша главная волшебная премия и еще много чего. Потому что он был самым-самым великим... так считается, по крайней мере. И у него был гримуар. Волшебная книга. Очень-очень мощная. Никто даже не знает, где Бриар ее взял – может, сам написал, а может, где-то нашел. Может, она принадлежала еще более древним и еще более великим волшебникам. Или даже богам. Никто не знает. И называлась эта книга – Криабал.

Мектиг и Плацента уставились на страницу, вновь читая уже много раз читанное непонятное слово.

– Книга была такой мощной, что Бриар не хотел ее никому оставлять, – продолжила Джиданна. – Перед смертью он разделил ее на семь частей, семь книг, семь Криабалов. Белый, Черный, Серый, Бурый, Красный, Синий и Зеленый. И раздал шесть из них своим самым доверенным приближенным, а седьмой вообще где-то захоронил. Чтобы такая огромная мощь не была сосредоточена в одних руках.

– Мудро, – скупко прокомментировал Мектиг.

– Да, Бриар – это голова... – согласился Плацента.

– По отдельности семь малых Криабалов уже не давали такой безграничной мощи, – сказала Джиданна. – Но все равно любой из них наделял своего владельца исключительной силой. Примерно как у нынешних самых могучих волшебников или даже еще больше. Белый Криабал позволял лечить и воскрешать. Черный давал власть над демонами. Серый – над мертвыми. Синий – над стихиями. Зеленый – над природой. Бурый – безграничное богатство. Красный делал непобедимым и неуязвимым.

– Мне нравится Красный, – молвил Мектиг.

– А мне Бурый! – загорелись глаза Плаценты. – И Синий! И... и все! Все, тля!..

– Многие пытались получить все, – кивнула Джиданна. – За Криабалы сражались. За них убивали. Но шли века, сменялись эпохи, и они все больше рассеивались по миру, исчезали один за другим. Многие страницы оказались вырваны и разошлись по разным рукам уже по отдельности. Именно так спустя время появился восьмой Криабал – великий маг Вален десятилетиями собирал эти вырванные страницы. В конце концов он собрал почти все, сшил под одной обложкой и назвал результат Рваным Криабалом. Сам по себе Рванный не особенно полезен, потому что слишком отрывочен, но остальные семь без него не работают в полную силу.

– И че, вот вообще ни у кого не получалось? – прищурился Плацента. – Собрать все.

– За дело брались люди куда умнее и сильнее нас. Ни у кого пока не вышло. Ближе всех к успеху был Вален – он владел Серым, Красным и Черным, а кроме того, сам создал Рванный. Но в конце концов он погиб жуткой смертью, а собранное им снова сгинуло неведь куда. Все остальные же не сумели и того.

– Но?..

– Что «но»?

– Жи-Жи, я же вижу по твоей глупой морде, что есть какое-то «но»! – скривился Плацента. – Я тебе кто, чечпок гребаный?! Ты сказала, что у этой страницы три стоимости! Какая третья, курица?!

– Третья... – протянула Джиданна, поглаживая листок обычной на ощупь бумаги. – Дело в том, что вот именно эту страницу пока что никто никогда не находил. Ее и еще одну Бриар Всемогущий вырвал отдельно и спрятал особенно надежно. Хотелось бы знать, что за путь она прошла, прежде чем... где ты все-таки ее нашел?

– В чуме, – хмуро сказал Мектиг. – Там были книги. Старые.

– В каком-то грязном чуме у каких-то нищих бродяг... какая ирония... – хмыкнула Джиданна. – Так вот, дело в том, что эта страница – особенная. Это первая страница. Титульный лист.

– И че? – не понял Плацента.

– Две самые главные страницы – первая и последняя. Титульный лист и оглавление. Оглавление показывает, где находятся остальные страницы. Титульный лист помогает их найти.

– Найти?..

– Да. Видите этот символ? Это экслибрис Бриара. Он указывает направление к ближайшему Криабалу.

– Он ничего не указывает, – пробасил Мектиг.

– Потому что поблизости нет Криабалов, – насмешливо глянула на него Джиданна. – Ему не на что указывать.

Все трое смолкли, напряженно размышляя. Мектиг сжимал рукоять Крушилы. Плацента допивал свою сахарную жижу. Джиданна поглаживала высунувшуюся из-за пазухи белку. Ее фамильяру не нравились эти двое.

Джиданне они тоже не нравились.

– Ладно, а вот че будет-то, если собрать все шесть Криабалов? – словно бы безо всякого интереса спросил Плацента.

– Их семь, – поправил Мектиг.

– Вообще-то восемь, если считать Рванный, – уточнила Джиданна. – И если собрать все... ну, считается, что ты станешь равен Бриару Всемогущему. А его не в шутку прозвали Всемогущим.

– Ты станешь?.. – совсем уже небрежно спросил Плацента. – Ты ведь у нас тут волшебница... а парням вроде нас с льдоголовым оно на гнутый кир не нужно, верно?..

– Что интересно – нет, – хмыкнула Джиданна, прекрасно видя, о чем тревожится полугоблин. – Мощь Криабалов так велика, что для их использования не нужно быть волшебником. Достаточно просто держать один из них в руках и читать заклинания – они будут действовать, словно ты сам Бриар.

– Ясно, ясно... – пробормотал Плацента, бросая сальные взгляды на титульный лист. – А че, как эту подтирку пользоваться-то? Чтоб нашла книжку.

– Надо оказаться достаточно близко от Криабала или другой страницы, – пожала плечами Джиданна. – Видите, экслибрис – символ Бриара, вписанный в октаграмму?.. Восемь ее лучей – восемь сторон света. Какой из них засветится – туда и идти. Чем сильнее светится – тем ты ближе.

– Они не светятся, – мрачно заявил Мектиг.

– Да потому что нету близко Криабалов! – раздраженно повторила Джиданна. – Чтобы нормально их разыскивать, нужны обе ключевые страницы. Наша и оглавление. А без оглавления... разве что ездить по всему миру и смотреть, не мерцает ли какой луч.

– Это долго, – проворчал Мектиг.

– Да еще как долго, – сморщился Плацента.

Случайные знакомые пригорюнились. На минуту всего троица позволила себе размечтаться, вообразить это волшебное сокровище – Криабал. Безграничные богатство и власть, исполнение всех желаний...

Но что толку от указателя, который ни на что не указывает?

Переглянувшись, Мектиг Свирепый, Плацента и Джиданна Спецеял пришли к одному и тому же выводу – для них это непосильно. Куда более значимые фигуры брались – и не преуспели.

Тем не менее кое-что все-таки и они могут с этой страницей сделать.

– А че, Джи-Джи, волшебники ведь за эту подтирку настоящую цену дадут, я прав? – оскалится полугоблин. – Не посоветуешь нам с льдоголовым, кому ее лучше загнать, чтоб не в обиде остаться?

– Так сразу не скажу, это подумать надо...

– Ты внакладе тоже не останешься, – заверил Плацента. – Долю мы тебе зашлем, Двадцатью Шестью клянусь. Скажи, бугай?

Мектиг молча склонил голову. Его сердило, что вонючий гоблин распоряжается его находкой, как собственностью, но если этот ушлый пройдоха обтяпает дело выгодно – можно и поступиться частью денег.

– Я знаю пару волшебников, скупающих древние реликвии... – медленно протянула Джиданна. – Можно предложить страницу мэтру Зукте или мэтру Вератору... или обратиться в Тезароквадику...

– А кто даст больше? – жадно подался вперед Плацента.

И тут в дверь забарабанили. Джиданна нервно сглотнула, белка юркнула обратно ей за пазуху. Мектиг резко выпрямился, наполовину вытянул топор из-за пояса. Плацента метнулся к шкафу, но вспомнил про хаотичный портал и прыгнул под кровать, едва не перевернув урлик.

– Открывай, колдовка! – рявкнули из-за двери. – Именем епископа!

Глава 6

Поезд прибыл точно по расписанию. Массено завидел его издали – словно огромный бескрылый дракон, он полз по равнине, пылая очами, изрыгая дымные клубы. В глухой ночи мерцали окна, на много вспашек разносился гул и рев.

Диковинная это штука – поезд. Удивительная. Воистину несть числа божественным чудесам, и всякий день случаются новые.

Немного покамест на свете стран, где протянуты эти дороги из стали, по которым носятся гигантские железные змеи. В большинстве краев о самом их существовании-то мало кто слышал. Но великая империя Грандпайр всегда была на переднем рубеже прогресса. Любую новинку встречает с раскрытыми объятиями.

Массено прождал поезда почти три часа. На крохотном полустанке нечем было заняться, потому он просто неподвижно стоял на перроне. Станционный смотритель порой прохаживался рядом, с опаской поглядывал на его тонзуру и багровую рясу, предлагал пройти в его каморку испить чаю, но Массено молча качал головой. Ему не хотелось прерывать размышлений о божественном.

Но вот наступила уговоренная минута. Пыхтение поезда тихо захлебнулось, он издал тонкий гудок и замер. Точно напротив Массено оказалась дверь четвертого вагона – того самого, куда его пригласили явиться сегодня ночью.

В славной империи Грандпайр много огромных городов. Но в этой отдаленной провинции преобладают деревушки. Здесь, рядом с селцом Клопы, поезд остановился только на три минуты – и то больше для того, чтоб поостыл котел.

Массено оказался единственным пассажиром, так что из остальных вагонов не стали даже протягивать мостков. Но в четвертом дверь гостеприимно отворилась, проводник кинул на перрон дощечку и, заметив на глазах Массено повязку, деликатно взял его под руку.

– Позвольте помочь вам, святой отец, – сказал он, ведя слепца в вагон. – Осторожнее, не споткнитесь.

Массено чуть заметно улыбнулся. Похвальная вежливость, но юноша явно никогда не слышал о солнцеглядах. Вот уже много лет Массено не пользуется даже тростью – настолько овладел даром Светлой Госпожи.

Впрочем, не годится отказывать ближнему своему в возможности совершить добрый поступок. Массено принял помощь проводника и тепло его поблагодарил. Бросив взгляд на билет, юноша провел его к шестому купе, спросил, не нужно ли еще чего, и помог нащарить на стене звонок, чтобы вызвать его в случае нужды.

Пока он это делал, другие пассажиры хранили молчание, смотрели в сторону. Но едва проводник удалился – скрестили взгляды на Массено.

Несмотря на поздний час, в купе никто не спал. Три человека сидели на узких койках полностью одетыми – и напряжение можно было резать ножом.

– Брат Массено, я полагаю? – хрипло спросил старец в черном балахоне.

– Не смею отрицать, – склонил голову солнцегляд.

– Хорошо. Теперь мы все в сборе.

– Ну да, только Озаряющего Мрак нам и не хватало, – язвительно проворчал мужчина, прячущий руку за пазухой. – Теперь и впрямь полный комплект.

Массено уселся на свободное место, рассматривая своих компаньонов. Под потолком покачивался масляный фонарь, бросая неверные тени на хмурые, осунувшиеся лица.

Все трое были немолоды. Выглядели они людьми тертыми, побродившими по свету и немало повидавшими. Видимо, тоже отбирали их не просто так, не первых попавшихся. Массено ведь и сам не простой монах, а из великосхимников. Подобных ему немного.

Нехороша показалась Массено эта мимолетная мысль. Поваяло от нее гордыней, ставлением себя превыше других. Обратившись душою к Солнцу, Массено легонько коснулся Ктавы. Висящая на поясе святая книга принесла ему успокоение.

Поглаживая холодный медный переплет, Массено произнес одними губами пятый стих Великой Молитвы. Сидящий напротив старец заметил это и чуть изогнул сухие тонкие губы.

Безусловно, сей благочинный – предводитель команды. Несмотря на то что сейчас его лик открыт, он несомненно принадлежит к служителям Инквизитория. А судя по опаловому перстню на пальце – это не рядовой инквизитор, а кто-то из центрального совета.

Инкогнито, разумеется.

Интересно, что за дело привело его в этот ночной поезд. Служители Инквизитория занимаются в основном внутренними расследованиями. Они охотятся на врагов церкви, выжигают опасные ереси, истребляют малиган, демонитов, «двадцать седьмых» и монахов смерти. Работа их важна и необходима, хотя иные и возвышают неразумно голоса, критикуя инквизиторов за неразборчивость и поиски ереси там, где ее нет.

Так или иначе, сейчас дело явно не в опасном еретике, раз уж здесь присутствует он, брат Массено. Орден Солнца не занимается смертными грешниками, сколь бы несправедны ни были их помыслы.

Нет, солнечные монахи охотятся исключительно на нечистую силу. Твари, что таятся во тьме, вдалеке от лучей Светлой Госпожи – вот кто страшится Озаряющих Мрак.

А тот, что сидит справа, в длинной кожаной куртке, с рапирой на поясе – явный ножевой. Сразу можно понять по тому, как он прячет руку за пазухой.

Массено уже встречался с ножевыми, однажды даже сражался бок о бок, и кое-что о них знал. Ножевой – наемники, неподражаемые охотники на вампиров. Впрочем, иными восставшими тоже не брезгают. Они во многом похожи на солнцеглядов – делают ту же работу и тоже приносят в жертву частицу самих себя.

Вся разница в том, что солнцегляды – монахи, а ножевой – миряне. Их братство – не духовный орден, а просто группа людей, прошедших специальное обучение и придерживающихся определенного кодекса. Работают ножевой обычно за деньги, хотя если заплатить некому – идут на охоту и так.

Ну а четвертый их спутник... судя по характерной мантии и боевому цепу на поясе, это антимаг. В отличие от ножевых с антимагами Массено дела прежде не имел, но знал о них многое.

С кем борются эти почтенные господа, ясно уже из названия. Волшебство не запрещено ни светскими властями, ни духовными, однако каждый волшебник несет в себе скрытую угрозу – слишком уж велика их сила, слишком велик искус употребить ее во зло. Именно поэтому к услугам антимагов частенько прибегают и короли, и церковь, и даже, как ни удивительно, сами волшебники.

Однако что же за страсть требует разом инквизитора, ножевой, антимага и солнцегляда? Лич-еретик?.. Кто-то вроде приснопамятного Мертвого Понтифика?..

От одной мысли об этом чудовище по коже пробегает холодок.

Массено ожидал, что ему объяснят, какое дело собрало их вместе, но пока что в купе царило молчание. Инквизитор вертел в пальцах святокуб – судя по рассеянному взгляду, не читая Великую Молитву, а просто так, по привычке. Ножевой ощупывал взглядом Массено – багровую рясу, висящую на поясе Ктаву, повязку на глазах. Делал он это без стеснения, явно убежденный, что солнцегляд его не видит.

Антимаг же и вовсе дремал либо просто сидел со смеженными веками. Его голоса Массено пока что не слышал.

Снедаемый любопытством, Массено, однако ж, не стал задавать порожних вопросов. Рано или поздно все станет ясным. Покамест же можно тоже погрузиться в сон – Светлая Госпожа покинула небосвод уже слишком давно, и бренное тело охватила усталость.

Массено извлек из внутрирукавного кармана черствую горбушку и принялся жевать скупыми, медленными движениями. Запив свой аскетичный ужин водой из кожаной фляги, монах раскрыл Ктаву и ткнул пальцем в случайное место:

«Но Сакор Дзидоша, обернувшись ко демонам, возвысил глас и изрек: «Верно скажу, без утайки, что всякий, кто отойдет сейчас ото зла, – спасен будет».

Массено призадумался. Строки из Севигиады зачастую толкуются трудно, плохо ложась на происходящее здесь и сейчас. И в данном случае смысл также темен, лишь смутно предупреждая о чем-то недобром.

Конечно, это не всерьез, а иные отцы церкви вовсе запрещают гадать по святой книге. Но Массено пристрастился к этой привычке еще в послушничестве и с тех пор редко принимал важные решения, не раскрыв поначалу Ктаву, не прочтя ее случайный стих.

– Далеко еще ехать? – спросил ножевой. – Почему вообще так затемно?

– Время поджигает, – скупой ответил инквизитор. – Я слишком поздно узнал о месте их встречи. Возможно, мы уже опоздали.

– Я все еще не услышал подробностей, – напомнил ножевой. – Оплата хороша, но я хочу знать, кто там будет. Раз здесь еще и Озаряющий Мрак – дело совсем трудное?

– Я желал предупредить любое развитие событий, – тихо сказал инквизитор. – Потому и призвал лучших из тех, кто мог прибыть с довольной быстротой.

– Ну спасибо на добром слове, – хмыкнул ножевой. – Так ты брат Массено, твое преподобие?

– Совершенно верно, – подтвердил монах. – А с кем свела судьба сегодня меня?

– Гос, – взмахнул рукой ножевой. – Просто Гос. А как зовут святого отца, я не знаю. Не представился.

– Мое имя значения не имеет, – холодно сказал инквизитор.

– Да как скажешь.

Проснулся антимаг. Поморгал, спросил, который час, назвал себя Росенгальтом и снова прикорнул, надвинув на лицо капюшон. Ножевой принялся хрупать яблоком.

За окном неслась степная равнина. Западный Грандпайр далеко не так богат и густонаселен, как восточный. Горожан меньше, селян больше.

Да и тех не очень-то много. Можно идти часами, так и не встретив ни единого жилья.

Конечно, железной дороги это не касается. Ее проложили по самым людным краям. А где было не оченьлюдно – вскоре стало. Дороги для государства – что артерии для человека. По ним струится кровь страны – товары, послания, путешественники. Вдали от дорог жизни нет.

А тут еще и такая особенная дорога. На которой можно сесть словно в малый домик, уснуть на мягкой перине, а проснуться уже в городе, до которого пешком не дойдешь и за луну.

– Скучно, – проворчал ножевой, обсосав яблочный черешок. – Расскажите, что ли, что-нибудь, ваши преподобия.

– Я могу рассказать о мудрости Светлой Госпожи и чудесах, таящихся под обложкой Ктавы, но не думаю, что ты имеешь в виду это, сэр Гос, – негромко произнес Массено.

– Да уж всяко не это, – фыркнул ножевой. – И я не сэр. Неблагородные мы, из смердов.

– В ножевых благородных и не водится, – неожиданно проскрипел антимаг, не поднимая капюшона.

Ножевой ничего на это не ответил. Только рука чуть дернулась, чуть выдвинулась из-за пазухи.

Но далее дело не пошло.

– Расскажите что-нибудь из своей практики, – предложил он, пристально глядя на антимага. – Думаю, мы все тут повидали разных случаев.

Никто из троих молчания не нарушил. О, Массено действительно мог поведать немало историй, достойных включения в «Тригинтатрию» или хотя бы в дешевые книжки о Рыцаре Парифате. Но он не считал возможным оным хвастаться. Свой долг монах исполнял не ради награды или восхвалений, но едино ради данных когда-то клятв.

– Что, никто не хочет? – хмыкнул ножевой, видя, что и антимаг с инквизитором помалкивают. – Ну хорошо, тогда я начну. Был однажды со мной любопытный случай во время охоты на ликантропа. Ликантропы, судари мои, если вам то неведомо, есть волки-оборотни... или, как сами они желают называться, «трансвидовые люди». Подстерег и выследил я его в облике человеческом, когда ликантроп более уязвим и менее чувствителен к запахам. Вы следите за моей мыслью, судари?

Массено вежливо склонил голову, антимаг пробормотал нечто нечленораздельное. Ножевой хмыкнул и продолжил:

– Я подстерег его в засаде. Вызнал, где он будет проходить. И когда он появился – прыгнул с дерева прямо перед ним. Но было уже сумрачно, и оттого с дерева я не заметил, что ликантроп не один – их было двое! За моим искомым тень-в-тень следовал еще один, точная его копия. Не скрою, я был поражен, поскольку о близнецах в ориентировке ничего не говорилось. Оттого я даже промедлил с ударом и изумленно воскликнул, что никогда-де не охотился на близнецов.

– Любопытно, – покивал Массено. – Что же было дальше?

– Ликантроп, конечно, тоже изумился моему появлению, но мои слова изумили его еще сильнее. Он вскинул брови и переспросил: близнецов?.. каких еще близнецов?.. А увидев, что я смотрю через его плечо, обернулся, увидел свою копию... и завопил от ужаса. Естественно, на секунду я оторопел. Тогда я был значительно моложе и еще не так опытен. Однако я тут же взял себя в руки, вознес крис и... услышал шорох за спиной. Оборачиваясь, я уже знал, что там увижу... и не ошибся. Я увидел самого себя. Свою точную копию.

Антимаг чуть приподнял капюшон. Ножевой же не спешил продолжать – выдерживал паузу, умело нагнетал напряжение.

– Так что же это было-то? – наконец спросил антимаг.

– О, я задался тем же вопросом. И оказалось...

Ножевой прервал громкий скрежет. Мерно пыхтящий поезд стал резко сбавлять ход. Разогнавшись, он не мог остановиться сразу, но вскоре все равно замер.

– Мы куда-то приехали? – прижал лицо к стеклу ножевой. – Здесь разве станция?

– Здесь лес, – промолвил инквизитор.

Ножевой отомкнул крючок и распахнул купейные окна. Снаружи и в самом деле не было ни станции, ни полустанка, ни вообще признаков цивилизации. Перед железнодорожным полотном лежала узкая насыпь, а дальше – только бесконечная зеленоватая полутьма. Ночь стояла холодная, но безветренная, не дрожал ни единый листок.

– Ни зги не видно, – прищурился ножевой.

Он снял с потолка фонарь и вытянул руку за окно. Тусклый масляный светильник чуточку раздвинул тени, но помогло это мало. Большая часть окон поезда были темны – час поздний, спят почти все.

– Брат Массено, темно дюже, не подсобишь? – обернулся ножевой.

– Дар Лучезарной – не игрушка, чтобы использовать его вместо светильника, – строго ответил Массено.

– Вот вечно у вас так, святых отцов, – хмыкнул ножевой. – Если не во славу богов, то и слава богам.

– Оставь его в покое, – проворчал антимаг. – Ты же своим ножиком колбасу не режешь.

– Да отчего ж? Если вдруг случится – порезать не побрезгую. Только это не нож, а крис. Им колбасу резать неудобно.

Минуло несколько минут. Поезд продолжал стоять. Выглядело это весьма странно, поскольку вокруг и впрямь не было ничего, кроме лесной чащи. Железная дорога раздвинула эти пущи, просверлила насквозь, как просверливают пути реки, но за пределами этой стальной ниточки по-прежнему простирались только заросли.

Массено, до этого державший точку зрения под потолком, поднял ее выше. На миг погрузился во тьму, в дерево и металл, а потом обозрел вагон сверху. Он вздымал точку зрения все выше, пока не достиг сотни локтей – отсюда был прекрасно виден уже весь поезд. Тот выглядел совершенно нормально – просто стоял без движения.

Темнота Массено не смущала. Солнечным монахам не нужен свет, чтобы видеть, как не нужен он солнцу. Они зрят не глазами – да и нет у них глаз.

Массено хорошо помнил день посвящения. День, когда его трижды спросили, хочет ли он вступить в орден Солнца, и после третьего утвердительного ответа совершили обряд. Болезненный, мучительный обряд. Священный огонь проникает в очи послушника, выжигая их, оставляя лишь пустые глазницы.

Каждый солнечный монах совершенно слеп.

Однако взамен утраченных глаз Лучезарная дарует своим адептам Солнечное Зрение. Оно просыпается через некоторое время после посвящения – ждать приходится от нескольких месяцев до нескольких лет. Порой бывает и так, что Солнечное Зрение не просыпается никогда – и это всякий раз великая трагедия.

В самом Массено оно проснулось через полгода после посвящения. Это было очень странное чувство. Сначала даже вздумалось, что он умер, – настолько непривычно оказалось смотреть на себя сверху, как бы вися под потолком.

После обретения Солнечного Зрения пришлось заново учиться ходить и вообще двигаться. Первые дни было даже тяжелее, чем полностью слепому. Но со временем Массено освоился и теперь даже плохо понимал, как можно жить, видя лишь то, что находится перед лицом.

К сожалению, точка зрения солнцегляда всегда над его головой – на маленькой высоте или на огромной, но только на этой вертикали. Он может обозреть землю с высоты птичьего полета, но не может заглянуть в соседнее купе, если не войдет туда телом.

А сейчас Массено хотелось осмотреть кабину машиниста. Он видел паровоз, но видел его с большой высоты, издали. Поднимая точку зрения еще выше, он совсем переставал различать детали, опуская – терял паровоз из виду.

– Брат Массено!.. – окликнули его. – Брат Массено, как вы считаете?

– О, простите, я слегка ушел в свои мысли, – ответил монах, резко снижая точку зрения и вновь видя себя и троих спутников. – Не могли бы вы повторить свой вопрос?

– Я предлагаю сходить и посмотреть, что послужило причиной остановки, – сказал инквизитор, надевая черный колпак. Тот совершенно скрыл лицо, и только пара строгих глаз виднелась в прорезях. – Может статься, что поезд остановили разбойники или даже некто не из нашего мира.

– Такое возможно? – внимательно глянул на него антимас. – Мы же еще не доехали. Вы полагаете, это уже... оно?..

– Я понятия не имею о том, что собой представляет... оно, – саркастично ответил инквизитор. – Все, что у меня есть, – слухи и подозрения. Посему я предпочитаю покуда молчать, ибо буду очень рад ошибиться. Как бы там ни было, о нашем вояже никому известно быть не может, если только кто из вас чего не разболтал.

Массено пожал плечами. Получив письмо-молнию за личной печатью нунция Космодана, он собрался незамедлительно и никому ничего не сказал – о том просилось особо. По-видимому, тако же поступили и почтенные Гос с Росенгальтом.

– С вашего позволения, я схожу и узнаю, – предложил Массено. – Все равно мне есть нужда совершить и некое иное дело.

– А, ну тогда иди, – пожал плечами ножевой. – Не споткнись там.

Идя по темному вагону, Массено повернул точку зрения под углом. Впереди никого не было, все двери пребывали замкнуты, и даже проводник несомненно крепко спал. Массено не стал его будить – по всей видимости, тот знает не более своих пассажиров.

Вместо этого он открыл наружную дверь и осторожно спустился. Перрона не было, так что кидать мостки не потребовалось – хватило выдвинуть боковую ступеньку.

В лесу царила тишина. Только высоко в кронах раздавался слабый стук – то ли страдающий бессонницей дятел, то ли иное, неведомое Массено животное.

Было довольно тепло. На дворе Бриллиантовый Лебедь, последний день зимы, но Гранд-пайр – страна тропическая, и снег здесь видят только в столице, когда волшебники императора устраивают ярмарочную потеху.

Шаркая по насыпи, Массено дошел до паровоза. Тот стоял глух и недвижим, слегка еще дымя трубой. Впереди на рельсах ничего не было – значит, не засада, не разбойники.

До чего же удивительны все-таки эти стальные махины, снова подумалось Массено. Экая несуразная громада, неживая, без ног, а колеса словно связаны цепью, однако ж бегают – да с какой скоростью! И не только сама бегают, но еще и тащит за собой такую прорву вагонов с людьми и товарами, какую вовек не утащить ни великану, ни бегемоту.

На приступочке курил грустный кочегар. При виде Массено он вздрогнул, поднял повыше фонарь и облегченно вздохнул.

– Мир вам, святой отец! – очень громко и отчетливо произнес он. – Что, проснулись?! А у нас тут авария!

– Печально слышать такое, – ответил Массено. – Что послужило тому причиной?

– Да с предохранительными клапанами что-то! Предохранительные клапана, понимаете?! Не открываются, будь они неладны! Пришлось встать, топку залить! Инжектор вон запустили, остужаем!

Для Массено вся эта технологическая премудрость звучала эльфийской грамотой, но он внимательно выслушал кочегара. Тот почему-то изъяснялся чуть ли не криком, и в конце концов Массено спросил:

– А почему вы кричите, сударь?

– Ну как же!.. Вы же!.. это!.. – указал на повязку Массено кочегар.

– Я слепой, верно. Но не глухой ведь.

– А... да... а ведь и точно!.. – рассмеялся кочегар, чеша в затылке. – Эка я опростоволочился-то!.. Простите уж, святой отец.

– Ничего страшного. Долго ли еще будет длиться починка, сударь? Скоро ли мы снова пустимся в путь?

– Это уж машиниста спрашивать надо, – пожал плечами кочегар. – Эй, Дзынь, где ты там? Выдь на минуту, тут святой отец антиресуется!

Из паровоза послышался лязг, дребезжание, и наружу высунулась крохотная зеленая головенка с огромными ушами. Машинистом, естественно, служил гремлин. Паровозы и пароходы – суть гремлиновское волшебство, порождения их Технокорпуса. Прочие народы и державы сами не умеют их ни мастерить, ни управлять, а потому даже не покупают, а как бы арендуют их у гремлинов – причем всегда вместе с машинистами. Коли этот вдруг заболит или, не дай боги, помрет, паровоз так и встанет, пока не прибудет сменщик.

– Да чиню я, чиню! – недоброжелательно пропищал машинист. – Чего надо-то?! Иди в вагон и жди, скоро тронемся!

Массено поклонился и вернулся в купе, где поведал о причинах остановки своим спутникам. Те преисполнились надежд, однако гремлиновское «скоро» обернулось не единым часом.

На востоке уже заалела заря, когда паровоз наконец снова запыхтел и колеса мерно застучали по рельсам.

– Надеюсь, эта задержка не обернется для нас скверным? – обратился к инквизитору Массено.

– Я тоже очень надеюсь, – мрачно ответил тот, прикладывая персты к переносице. – Но у меня плохое предчувствие.

Глава 7

За окном дул пронизывающий ветер, но в кабинете Дрекозиуса было жарко натоплено. Камин полыхал так, что казалось, будто ты не в мерзлой Эрдезии на краю цивилизованного мира, а где-нибудь на пляже Веселого Острова, с кувшином сладкого вина и грешной прихотливой под боком.

Немудрено, что Дрекозиус сморил сон посреди дня. Еще до обеда он прочел несколько доносов, выслушал парочку шептунов, отдал кое-какие распоряжения, отправил по малому дельцу стражу, приятно откушал жареных перепелов в меду, ну а там уж и задремал прямо в кресле за столом. Благо было оное кресло просторно, мягко и вполне могло приютить не только обильного телом Дрекозиуса, но даже и еще кого-нибудь, что не единожды здесь и случалось.

И сейчас ему снился сон. Удивительно яркий, отчетливый сон – один из тех, что он видел изредка и всякий раз – безрадостно. В сне не было самого Дрекозиуса, он наблюдал за действием отстраненно, прекрасно все понимал и внутренне знал – видимое им прямо сейчас происходит где-то вправду, по-настоящему.

То была кузница. Грязная и закопченная, с низким потолком и пылающим горном. За огромным окном простирались черные горы и дышал исполинский вулкан. Горбатый одноглазый кузнец в последний раз ударил молотом по наковальне, взял с нее крохотный золотистый ободок и бросил в кучку точно таких же. Перебирая их заскорузлым пальцем, он бормотал:

– Три кольца – вонючим оркам, для вождя их жирного... Семь колец – пузатым троллям, для шамана хитрого... Девять – гоблинам-уродцам... не знаю для кого, но сказали, что очень нужно. И одно, последнее, я сковал просто потому, что осталось немного материала. Куда бы его деть?

Немного поразмыслив, кузнец просветлел ликом. Он выбрал среди откованных колец самое удачное, самое блестящее, завернул его в бумажку и отдал подмастерью.

– Слетай-ка в Цитадель, – наказал он. – Скажи там, что мастер Ухунбег кланяется темному лорду своим лучшим изделием.

Дальше Дрекозиус словно провалился в черную яму. Он не видел, как подмастерье добирался до Цитадели Зла – наверняка неблизкую дорогу его сознание милостиво пропустило. Вынырнув из темноты, он увидел уже полную народа залу и вереницу челобитчиков, тянущуюся к черному трону.

В первых рядах был и подмастерье кузнеца. Бухнувшись головой об пол, он дрожащими руками подал свой дар жуткой фигуре, известной каждому жителю Парифата. Закованный в шипастые доспехи, в самом сердце Цитадели Зла восседал сам Темный Властелин – злой лорд Бельзедор.

Он принял дар, внимательно его рассмотрел и изрек даже скупые слова благодарности. Не помнящий себя от счастья подмастерье попятился, а Бельзедор продолжал все пристальнее рассматривать... нет, не кольцо. Бумажку, в которую то было завернуто.

Само кольцо он рассеянно кинул ближайшему прихвостню. А вот бумажку, оказавшуюся мятой книжной страницей, принялся изучать с небывалым тщанием.

– Господин управляющий, подойдите-ка, – позвал Бельзедор, и у трона немедля вырос седовласый человек в черной мантии. – Что скажете?

Глаза управляющего округлились. Разглядывая страницу, он благоговейно спросил:

– Это... неужели это то самое, Властелин?.. Где вы ее взяли?

– Совершенно случайно нашел, представьте себе, – задумчиво ответил Бельзедор. – Совершенно случайно. Пусть ко мне приведут кузнеца Ухунбега, я желаю его допросить. Надо узнать, где он это взял и нет ли у него еще.

– Еще?.. Вы... вы хотите найти еще?

– А почему бы и нет? Я никогда не интересовался Криабалом, но раз уж одна из его страниц сама попала в руки – почему не заняться этим?

– Многие пытались собрать Криабал воедино... Ни у кого еще это не вышло...

– Эти многие не были мной, – снисходительно произнес темный лорд. – Теперь, когда этим занялся я, – можно считать, что весь Криабал уже собран.

Бельзедор вскинул главу, встряхнул гривой смоляных волос, и к исчезающему во тьме потолку устремился зычный, раскатистый хохот:

– БУА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-А-А!!!!!!

В ту же секунду Дрекозиус проснулся. В ушах еще гремел смех Темного Властелина.

Пока Дрекозиус почивал, служанка принесла чаю, булочек и теплой воды для умывания. Та уже немного остыла, но добрый жрец все равно ополоснул в ней лицо и руки. Все его чувства пребывали в расстройстве.

Выходит, лорд Бельзедор затеял собрать Криабал. Ужасная новость, поистине ужасная. Страшно представить, что произойдет, если этот гримуар попадет в подобные руки. Если кому и следует быть владельцем подобной силы, то исключительно человеку доброму, разумному и благодетельному, носителю исключительно светлых помыслов.

Кому-то вроде него, святого отца Дрекозиуса.

Он уже несколько раз видел подобные сны. Удивительно яркие, четкие, несомненно вещие и всегда связанные с Криабалом. Почему они к нему приходят, Дрекозиус не знал. Он не желал быть провидцем, не искал себе приключений – его устраивала спокойная сытая жизнь, полная маленьких житейских радостей.

Возможно, боги просто над ним издеваются. Иначе как объяснить то, что они посылают видения именно тому, кто меньше всех в них заинтересован?

Поворочавшись в кресле, Дрекозиус обернулся к окнам. За ними был все тот же унылый пейзаж провинциального городишки Пайнк. Темный, навевающий меланхолию кабинет Дрекозиуса располагался с северной стороны, так что солнца не видел даже летом, что уж о зиме. Вечный мрак разгонял только огонь в камине.

Такова же и обстановка. Потолки высоченные, а стены наводят скуку, ибо покрыты книжными полками. Дрекозиус любил разное занимательное чтение, но здесь подобным и не пахло – сплошь огромные, заунывные тома по истории и религии.

Раньше этот кабинет принадлежал непосредственному начальнику Дрекозиуса – его преосвященству епископу Суйму. Но потом тот решил, что и столь негостеприимная комната – слишком роскошно для духовного лица, и переехал в подвал, в тесную келейку без окон. А помещение оставил своему виду – Дрекозиусу.

Тот не испытал особой благодарности. Раньше он заседал в комнатке поменьше, но куда уютнее, на южной стороне. Там бы предпочел и остаться.

Но епископ, почитающий высшим благом умерщвление плоти, отказа бы не понял.

Больше всего в этом кабинете, да и во всем Пайнке Дрекозиуса мучили полярные ночи. Здесь, в Эрдезии, они не слишком длинные, но выросшему в теплых краях Дрекозиусу все равно приходилось тяжело. Он совершенно не мог привыкнуть. Каждый год с приближением зимы становилось все горше, все тоскливее.

Полярная ночь – она ведь коварна. Совершенно не чувствуется, как наступает. День становится короче постепенно, сумерки удлиняются по чуть-чуть, свечи и камин горят уже постоянно. Так и живешь себе, ничего такого не замечая.

Только не высыпaeшьcя. Устаешь. И тяжесть какая-то на душе.

Когда этой зимой на небе наконец появилось солнце, Дрекозиус испытал небывалый подъем духа. Даже возблагодарил богов, что делал чрезвычайно редко. Воистину правду говорят – человек не ценит то, что у него есть, пока это не потеряет. И нет большего счастья, чем просто вернуть утраченное.

Вернуть всего лишь солнце на небо.

Позвонив в колокольчик, Дрекозиус снова вызвал служанку и велел принести еще перепелов в меду, сладкого гипокраса и какого-нибудь печева. Добрый жрец любил кушать вкусно, часто и обильно. Любил приятные вина. Любил кающихся в грехах прихожанок.

А вот работать он не любил никогда. С малых лет Дрекозиус испытывал почти физическое отвращение ко всякого рода труду, а потому искал такой род занятий, где трудиться не нужно совсем.

В детстве он мечтал стать королем – ему казалось, что уж кто-кто, а король с утра до вечера только и делает, что ничего не делает. Однако стать королем – задачка, мягко скажем, нетривиальная, а потому с возрастом Дрекозиус умерил свои желания.

Он пробовал себя в науках и искусствах, оказался даже небесталанен, но быстро понял, что занятия эти безденежные. Пробовал овладеть волшебством, но здесь способностей у него не обнаружилось. Пробовал заниматься торговлей, но там оказалось слишком много рисков.

В конце концов его привлекла духовная карьера – и он надел сутану.

Правда, вскоре выяснилось, что жрецу тоже приходится немало работать – читать проповеди, проводить службы и ритуалы, принимать исповеди, приносить жертвы, венчать новобрачных, нарекать новорожденных, отпевать покойных и многое, многое другое. Это не самый тяжелый труд на свете, но все-таки труд.

Так отец Дрекозиус разочаровался в религии.

Тем не менее карьеру он сделал неплохую. Начал с самых низов и дошел до видама, наместника епископа. Пусть в маленьком городе на окраине, да еще и у полусумасшедшего отца Суйма, но тем не менее.

В дверь постучали. Дрекозиус, ожидавший своих перепелов, сладострастно причмокнул и хлопнул в ладоши. Однако в кабинет протиснулась не госпожа Вяола, которую Дрекозиус очень ценил за расторопность, услужливость и пышные бедра. Вошел капрал городской стражи, а с ним два алебардщика и трое арестованных. Те, за которыми Дрекозиус посылал до того, как задремать.

– Вот они как есть, ваше благословение! – отрапортовал капрал. – Докладываю то есть, что идти спервоначалу не хотели, а хотели даже оказать сопротивление, но вопросец, так что, был все ж решен по-хорошему!

– Молодец, сын мой, благодарю за службу, – кивнул Дрекозиус. – Теперь оставь нас, оставь.

– Так что, не нужно ль еще чего?

– Не нужно, сын мой, не нужно. Ступай себе и не греш.

Капрал, чеканя шаг, вышел, за ним вышли и алебардчики. А Дрекозиус принялся рассматривать тех, которых вчера и сегодня видел во сне, а теперь встретил и наяву. Они сгруппировались напротив стола, зыркали на Дрекозиуса, на полки с книгами и друг на друга.

Вот они, значит, каковы. Огромный бледный дармаг с иссеченным шрамами лицом. Низенький сутулый полугоблин с крысиной мордочкой. И взлохмаченная полногрудая женщина в очках.

На этой последней взгляд Дрекозиуса ненадолго задержался. Та заметила, угрюмо фыркнула и спросила:

– За что нас арестовали?

– Не арестовали, дочь моя, ни в коем случае не арестовали, – запротестовал Дрекозиус. – Пригласили в гости. Я специально просил доброго капрала быть как можно вежливее. Не желаете ли крылышко перепелки?

– Какой перепелки? – уставился на пустой стол Плацента.

– Той, что сейчас принесут. Буквально минуточку.

Принесли перепелку, сладости. Дрекозиус отпустил служанку и принялся потчевать подозрительно глядящих на него гостей. Плацента сграбастал целую тушку и принялся неаппетитно чавкать, Джиданна взяла сладкий кренделек.

Мектиг есть отказался.

– Угощайся, сын мой, угощайся же, – настаивал Дрекозиус, похлопывая его по плечу. – От чистого сердца предлагаю.

– Почему ты в платье, как баба? – хмуро спросил Мектиг.

– Это сутана, сын мой.

– Я и говорю – как баба.

– Сын мой, не следует грубить незнакомому человеку без веской на то причины, – укоризненно посмотрел Дрекозиус. – Особенно если он тебя угощает. Разве я тебя чем-то обидел?

Мектиг ответил ему лишь пустым взглядом. Потом и вовсе отвернулся, так и не взяв ни куска перепелки.

Жрецы. Мектиг ненавидел жрецов.

– Так зачем вы нас... пригласили, отче? – повторила Джиданна. – Мы вообще думали, что нас ведут к отцу Суйму.

– На ваше счастье, я всего лишь его видам. Заместитель. Отец Суйм ничего о вас не знает, и в наших общих интересах, чтобы так оставалось и далее.

– Ближе к делу, святоша! – потребовал Плацента. – Какого тебе кира от нас нужно, боров пузатый?

Эти слова Дрекозиуса немного обидели. Он даже попытался втянуть действительно выпирающий живот, но не преуспел. Загнав недовольство поглубже, жрец улыбнулся как можно ласковее и вкратце объяснил, что ему от них троих нужно.

Страница из Криабала.

– Нет! – пробасил Мектиг, хватаясь за рукоять Крушилы. Стражники оставили ему оружие, поскольку на иных условиях дармаг идти отказывался, а применять силу видам запретил.

Впрочем, секира по-прежнему была привязана специальным узлом.

– Вы не поняли меня, дети мои, – поморщился Дрекозиус. – Я не желаю забирать у вас эту страницу. Я желаю помочь вам.

– Помочь в чем? – прищурилась Джиданна.

– В вашем благородном деянии, разумеется. Ведь вы же хотите собрать легендарный Криабал воедино. Я буду горд и счастлив принять в этом участие.

Мектиг, Плацента и Джиданна переглянулись. До того как в мансарду ворвалась стража, они уже сошлись на том, что собирать Криабал им не стоит и пытаться. Лучше просто продать эту страницу кому-нибудь и не гнаться за призрачным богатством.

Об этом Джиданна жрецу и сказала.

– При других обстоятельствах я бы поддержал ваше решение, – ответил Дрекозиус. – По-своему оно мудро. Но звезды распорядились иначе, дети мои. Дело в том, что мне стало известно о худом деле – некая злая сила замыслила собрать Криабал в своих черных руках. И если ей это удастся – весь мир накроет великая тьма.

– Что еще за сила? – хмыкнул Плацента. – Лорд Бельзедор, что ли?

– Именно так, сын мой. Темный Властелин заполучил в свои лапы одну из страниц и теперь строит козни, жажда заполучить их все. А ваша страница – одна из самых важных, и он непременно пожелает ее занять. Следует ли мне говорить, что Темный Властелин вряд ли станет вежливо просить вас продать ему это сокровище?

– Тля!.. И что ж нам делать-то тогда?!

– Очевидно же, – проворчала Джиданна. – Надо избавиться от этого вонючего листка и забыть, что он у нас вообще был.

– Нет! – пробасил Мектиг.

– Наш добрый Мектиг прав, дочь моя, – ележно улыбнулся Дрекозиус. – Безусловно, таким путем вы обезопасите себя... на время. Всем известно, что лорд Бельзедор стремится уничтожить весь мир...

– Зачем ему это? – скептически спросила Джиданна.

– Затем, что он очень злой, – терпеливо объяснил Дрекозиус. – Он ненавидит все хорошее, что есть в мире. По счастью, его страшная мощь хоть и велика, но не беспредельна. Много веков его сдерживает наша святая мать церковь, добрые волшебники Мистерии, прекрасная королева эльфов и другие светлые силы. Но если Бельзедор заполучит Криабал, то станет воистину непобедим. Никто и ничто не сможет более его сдержать. И всему на свете придет конец. Хотите ли вы такого, дети мои?

– Э-э-э... нет?.. – с сомнением спросил Плацента.

– Верно. И поэтому нам следует исполнить волю богов и опередить Темного Властелина. Мы обязаны добиться того, чтобы Криабал оказался в достойных и мудрых руках.

– Да мы об этом уже думали, – поморщилась Джиданна. – Но ты понимаешь, что мы заблуждаемся его искать? У нас только титульный лист – без оглавления он бесполезен!

– Слышите, а на кой кир нам вообще что-то искать?! – вдруг осенило Плаценту. – Бельзедор же тоже ищет Криабалы, так? Ну и давайте просто подождем, пока он сам все найдет, а потом отберем их у него!

– Отберем?.. – устала на него Джиданна. – У Бельзедора?..

– Э-э-э... тля, глупость ляпнул, – согласился Плацента. – Тогда идей нет.

– Зато у святого отца, похоже, есть, – сказала Джиданна. – Верно? Или ты предлагаешь просто выйти за околицу и брести наугад?

– Да, точно, – кивнул Плацента. – Хочешь к нам четвертым – обоснуй! Обоснуй, зачем ты нам сдался, святоша!

Дрекозиус сложил вместе пухлые, похожие на моржовые лапы ладони.

– Вы хотите обоснования, и ваше желание справедливо, – задумчиво сказал он. – Но клянусь Двадцатью Шестью, я и в самом деле смогу пригодиться.

– Как запас провизии на черный день? – едко спросила Джиданна.

Плацента гнусненько захихикал.

– Нет, – нарочито мягко ответил Дрекозиус. – Дело в том, что я хоть и не видел до сего дня Криабалов воочию, вот уже много лет тесно с ними связан.

– Это как же?

– Я... я вижу вещие сны. Сны о Криабалах.

– Так ты знаешь, где они?! – изумилась Джиданна.

– К сожалению, нет. Я вижу их, лишь когда они меняют хозяев. Когда переходят из рук в руки. Так я увидел, как наш добрый Мектиг отыскал ту страницу – увидел и как он принес ее к вам.

– Ага. И ты хочешь сказать, что это просто случайное совпадение, что ты при этом живешь в том же городе, что и мы?

– Конечно же это не совпадение. Я родился и вырос в Грандпайре, в славном городе Ридолено. Но семнадцать лет назад у меня впервые начались эти видения... именно с этой страницы, которую случайно подобрал наш добрый Мектиг. Я увидел, как один человек... расстался с ней, и решил ее разыскать.

– Но у тебя не получилось.

– Увы. Видения оказалось недостаточно. Я разыскивал ее многие годы, но так и не сумел найти точное место. Я ведь не вижу в этих снах географических координат – только само событие. Я знал, что страница где-то в тундре, у каких-то кочевников, а по узорам на рукавах их одежд распознал представителей тохти – народца, живущего в Арбии и западной Эрдезии. Однако сей народец хоть и малочислен, но все же рассеян по обширным территориям – а ника-

ких имен или названий в том моем сне не прозвучало. Потому я и осел в Пайнке, надеясь однажды дожидаться нового сна, нового видения... и вот, не далее как позавчера оно мне явилось. Я узрел доброго Мектига, получившего сию страницу в дар и пошедшего с ней не куда-нибудь, а прямо на восток, в сей дивный провинциальный городок, что служит мне пристанищем.

Джиданна посмотрела на Мектига. Дармаг, не без труда осмысливший речь Дрекозиуса, в конце концов медленно кивнул. Если этот жрец видит вещие сны – он провидец. Или даже вёльва. А вёльва всегда может пригодиться.

Конечно, все вёльвы – женщины, но на жреце платье, так что он может считаться женщиной.

– А ты как считаешь, мелкий? – спросила Джиданна у Плаценты. – Принимаем святого отца четвертым?

– Ну что я могу сказать... – важно надул губы полугоблин. – Я считаю... я считаю, что мне [цензура].

Дрекозиус почувствовал, что эта троица начинает вызывать у него неприязнь. По-прежнему ласково улыбаясь, он взялся за колокольчик и сказал:

– На самом деле выбор у вас очень простой. Либо вы принимаете меня четвертым, либо я зову стражу, страницу у вас отнимают, а вас самих отправляют в темницу.

– Попробуй, – пробасил Мектиг, делая шаг вперед.

– Заметьте, я не хочу этого делать! – поспешил заявить Дрекозиус. – Я хочу договориться полюбовно! Я нужен вам сильнее, чем вы мне!

– Но мы тебе тоже нужны, – усмехнулась Джиданна. – Ты ведь тут не самый главный. В одиночку ты ничего не добьешься, а собственных людей у тебя нет. Если стража отнимет у нас страницу, она попадет к епископу Суйму. А ты не хочешь, чтобы Бешеный Святоша о ней узнал.

– Разумеется. А вы разве хотите?

Нет, этого никто не хотел. Его преосвященство Суйм управляет Пайнком уже двадцатый год, и за это время все твердо уяснили – связываться с ним лишний раз не стоит.

И это при том, что его никак не назовешь плохим человеком. Он не берет взятки, презирует роскошь, живет в скромной келье, круглый год ходит в одной и той же застиранной сутане. У него нет даже кареты, нет собственного дома. Аскет, всего себя посвятивший служению.

Но принципы отца Суйма подобны каменным стенам. Он не знает компромиссов и не видит разницы между мелкими и крупными проступками. Всякое отклонение от правил для него есть грех, а грех должен быть наказан. В воспаленном разуме епископа огнем светятся божьи заповеди – и больше там ни для чего места нет.

– Обойдемся без епископа, – отвела взгляд Джиданна. – Считайте, что мы договорились, отче.

– Рад, очень рад, – заулыбался Дрекозиус. – Люблю, когда люди приходят к согласию. И спешу вас порадовать добрыми вестями – милостью ниспославших мне сей дар богов я, ничтожный, ведаю, где находятся и некие иные части Криабала. Те, что за последние семнадцать лет меняли владельцев.

Мектиг, Плацента и Джиданна выжидательно уставились на толстого жреца, но тот не торопился продолжать. Среди его круглых щек блуждала лукавая улыбочка.

Первым не выдержал Плацента. Полугоблин скрипнул зубами и бросил:

– Ну и?.. Не тяни, святоша! Много их?!

– Четыре, – с охотой ответил Дрекозиус. – За эти семнадцать лет из рук в руки переходили четыре разных части Криабала. Три отдельные страницы и один из полноценных томов.

– Какой?!

– Черный. Десять лет назад его заполучил добрый волшебник Медариэн, отобрав у какого-то безумного черно книжника. Однако где он сейчас, мне неизвестно – Медариэн сокрыл его в некоем потаенном месте... не могу сказать, где именно, я видел лишь, что там очень темно.

– Это довольно бесполезная информация, – заметила Джиданна.

– Бесполезная. Особенно если учесть, что Черный Криабал уже и не там. Несколько лун назад его кто-то отыскал. К сожалению, это происходило все в том же очень темном месте, и я не разглядел, кто это был. Во сне я только слышал их голоса – писклявые и противные, как у гоблинов.

– Да, совершенно бесполезная информация, – подытожила Джиданна. – А что насчет отдельных страниц? Я правильно понимаю, что одна из них – наша?

– Правильно. Ее я видел во сне трижды. Вторая – та, что недавно попала в лапы Темного Властелина. Это обычная страница откуда-то из середины, она не слишком важна. А вот третья... третья страница – особенная. Это... оглавление.

– Оглавление?! – поразила Джиданна. – Ты знаешь, где искать оглавление?!

– Знаю. Но, боюсь, вас не порадует то, что вы услышите.

– Не тани, святоша! – прошипел Плацента.

– Оно в Паргороне.

Некоторое время в комнате царил молчание. Потом Плацента хрипло захохотал. Вскинув руки, он заявил, что ему было очень весело, он позабавился, но дальше без него, он в этом не участвует. Лезть к демонам за чем бы там ни было – развлечение, без которой он прекрасно обойдется.

Однако уйти он почему-то не ушел.

– В Паргороне должно быть очень опасно, – задумчиво молвила Джиданна. – Нам на ПОСС раз двадцать повторяли: в Паргорон не соваться, в Паргорон не соваться. Сразу предупредили – если туда попадем, Мистерия ничем не поможет, вытаскивать не будут и пытаться.

– Я не боюсь, – пробасил Мектиг.

– Ну ты-то понятно, – фыркнул Плацента. – У тебя, тля... кхе... кхе-хе...

– Ты чего? – глянула на него Джиданна.

– Ничего, – огрызнулся полугоблин.

Ему просто вспомнилось, что тупому варвару не нравится, когда его называют тупым. Так что умный и осмотрительный полугоблин не стал заканчивать фразу.

– Знаю, знаю, дети мои, – грустно развел руками Дрекозиус. – Рискованно. Опасно. Даже смертельно опасно. Но есть ли у нас выбор? Можем ли мы поступить иначе? Сами боги ниспосылают мне эти сны. Сами боги ниспослали мне видение о том, где кроется оглавление Криабала. Как же нам не воспользоваться даром небес?

– Да вот так – взять и не воспользоваться, – пожала плечами Джиданна. – Мне моя жизнь немного, но все-таки дороже сомнительного шанса получить Криабал.

– Не страшись зря смерти, дочь моя. Боги с нами. А даже если случится худшее... что ж, однажды все умрут.

– Забавно, но я как раз сегодня об этом думала, – чуть усмехнулась Джиданна. – Только вот умирать прямо сегодня я все-таки не планирую.

– Если вы откажетесь, то не умрете прямо сегодня, – грустно покивал Дрекозиус. – Это само собой разумеется. Только вот через некоторое время вы все равно умрете. Вы... и все остальные добрые севилисты.

– Это почему еще? – нахмурился Плацента.

– Да все потому же. Разве вы забыли о Темном Властелине? Забыли о ужасных планах лорда Бельзедора? Он тоже собирает Криабал. И он его соберет. Рано или поздно, но соберет.

И что он сделает тогда с Парифатом? Что сделает со всеми нами? Либо наступит конец света, либо весь мир станет огромной Империей Зла, иных вариантов я не вижу.

– Да ладно, его все равно кто-нибудь остановит, – отмахнулся Плацента.

– Несколько лет назад он со своими Легионами Страха вторгся в Шевларийскую империю, разграбил ее столицу и сжег императорский дворец. Остановил ли его кто-нибудь? Встал ли кто-то на пути и сказал: «Нет»? Увы, не нашлось храбреца. Примите этот печальный факт, дети мои. Осознайте его. Никто в этом несчастном мире не смеет воспрепятствовать Темному Властелину. И если этого не сделаем мы – то кто? Никто другой ведь даже не посвящен в его коварные планы! Никто – только мы!

– Мне кажется, в Паргорон за этой страницей не сунется даже Бельзедор, – продолжала колебаться Джиданна.

– Не будь так наивна, дочь моя! Не будь так наивна! Страшись недооценить злого лорда! Мне кажется совершенно противоположное – коли восхочет он получить что у демонов паргоронских, так просто зайдет к ним на чашку чая, скажет: хочу того-то, – так сразу и получит! Демоны подадут ему это с улыбкой, с радостью, что смогли помочь доброму приятелю. Быть может, Темный Властелин оплатит им за такую услугу – невинными душами или еще какими злодействами, – но страницу он всяко заполучит.

– Тля, – мрачно засопел Плацента. – А может, просто доложим тогда кому поважней?

– Это кому? – покосилась на него Джиданна.

– Да Бешеному Святоше хоть. А он пусть там других святош созовет, чтоб об этой кирне башки у них трещали. Мне вот лично такого дерьма не надо!

– Я бы на вашем месте не стал соваться с таким вопросом к отцу Суйму, – жеманно произнес Дрекозиус. – При всей моей любви к доброму епископу этого славного городка, он не всегда бывает... мягок. Нисколько не удивлюсь, если для уверенности, что вы рассказали все, о чем ведаете, он прибегнет к не самым севиристским средствам.

– Тля, ну вас всех моей мамке в дупло! – покривился полугоблин. – Пошел я! Слышь, варвар, ты со мной?

– Иди, – равнодушно ответил Мектиг. – Я остаюсь.

– Че, тля, мир спасти решил, дерьма ты кусок?!

– Нет. Хочу Криабал.

Плаценту аж перевернуло. Его разрывало бурными чувствами. Страх тянул к двери, заставлял уйти из кабинета видама, а потом удрасть и из города, да как можно дальше. Но жадность шептала, что ему раз в жизни выпал потрясающий приз, который не выпадет уже никогда, и отказаться от подобной удачи – кошмарная глупость.

Что же до Джиданны, то она все уже обдумала и приняла решение. Ей была абсолютно безразлична судьба мира и живущих в нем людей, но вот свою жизнь она любила больше всего на свете. И ради того, чтобы продолжать жить, она была готова рискнуть жизнью.

Возможно, где-то в этих рассуждениях крылась логическая ошибка.

К тому же Джиданне тоже хотелось получить Криабал. Слишком уж много слышала она об этом сказочном сокровище, когда училась. Школяры то и дело шушукались о нем мечтательно.

Бурый Криабал она даже видела. Он хранится в библиотеке Клеверного Ансамбля, и это единственный из Криабалов, что доступен для обозрения. Под бдительным присмотром его стражей можно подойти и бросить благоговейный взгляд на древний кожаный переплет. Бурый Криабал принадлежит Мистерии уже много веков, но за все это время ни разу не раскрывался, ни разу не использовался.

По крайней мере, так заявляется ученым советом.

– Хорошо, – угрюмо сказала Джиданна. – Я с вами. Но когда у нас будет Криабал – я хочу свою четверть.

– Ты не разочаруешься в своем решении, дочь моя, – приятно улыбнулся Дрекозиус. – А что до вас, brave мужи? Присоединитесь ли вы к нам в этом героическом походе?

Мектиг молча кивнул. Плацента ответил потоком нецензурной брани, суть которой, впрочем, сводилась к слову «да».

– На том и порешим, – еще шире улыбнулся Дрекозиус. – И теперь, пока праведный огонь еще горит в наших сердцах... как нам попасть в Паргорон? Можешь ли ты посодействовать в этом, дочь моя?

– Не могу, – пожала плечами Джиданна. – Извините.

– Это че так?! – возмутился Плацента. – Ты ж волшебница, тля!

– А, ну да, я совсем забыла, – очень внимательно глянула на него Джиданна. – Действительно, я ж волшебница. Сейчас, минуточку, я взмахну моей волшебной палочкой и перенесу нас в Паргорон. А потом взмахну еще раз и разгоню всех демонов. А потом взмахну в третий раз и призову все Криабалы прямо нам в руки, чтоб долго не бегать.

Даже до Плаценты дошел этот тончайший сарказм. Он фыркнул, засопел и буркнул, что бы он сделал с Джиданной, не будь та фригидной страшилой.

Джиданна пропустила его слова мимо ушей. Она в принципе не реагировала на оскорбления.

– Что ж, печально слышать, что твои способности не могут нам помочь, очень печально, – вздохнул Дрекозиус. – По счастью, ты не единственная волшебница на белом свете, дочь моя. Так вышло, что я знаком с одним чародеем, способным помочь нам в этой беде. Очень древним и очень могущественным.

– Это с кем? – спросила Джиданна.

– Мэтр Кауд. Не слышала?

– Никогда не слышала.

– Не слишком этому удивлен. Дело в том, что живет он не в Пайнке, а в горах, ведет... мм... отшельнический образ жизни. Так что придется нам немного прогуляться.

– Прогуляемся, – пробасил Мектиг.

– И еще одно... Он... при всем моем уважении к этому замечательному, очень талантливому чародею, его никак не назовешь... бескорыстным. Если говорить правду в глаза и не прибегать к ложному славословию, мэтра Кауда можно назвать даже... жадным. За свои услуги он берет недешево... так что понадобятся деньги. И немало.

Джиданна отвела взгляд первой. У нее осталась едва ли дюжина медных хольдарков. Этого хватит, чтобы один раз скромно пообедать. В самой дешевой таверне.

Мектиг некоторое время ворчал – благодаря расправе над бандой Ирги Сварливца в его кошеле звенела сотня серебряных ханнигов. Если не слишком барствовать, на эти деньги можно прожить две, а то и три луны.

Дольше всех кобенился Плацента – в его камерке был тайник с двадцатью добрыми золотыми хдарками. Одному полугоблину этого хватит на целый год, четверым... на четверых Плацента делить не хотел.

– Что ж, вижу, что и эту проблему придется решать мне, грешному, – тяжело вздохнул Дрекозиус, открывая нишу в стене и доставая тяжелый кошель. – За годы беспорочной службы я вымолил у богов малую толику сего презренного металла... что ж, пусть теперь он послужит благому делу.

– Вот это правильно, святоша, – хрюкнул Плацента, ощупывая кошель масляным взором. – Сколько там у тебя – хдарков двести... нет, двести двадцать!

– Необычайно точная догадка, сын мой, – внимательно глянул на полугоблина жрец. – Здесь двести двадцать два полновесных золотых хдарка.

Плацента только фыркнул. Кошель манил его, как кусок хлеба голодного. В голове щелкали цифры, мелькал курс золотого хдарка, монеты превращались в роскошные яства, доро-

гие вина и покладистых блудниц. Полугоблинов привечают только самые грязные шлюхи, но Плацента по опыту знал, что куча золота превратит в грязную шлюху даже монашку.

– Что ж, дети мои, если мы пришли к соглашению, предлагаю нам сейчас разойтись по домам, собрать вещи в дорогу и завтра утром встретиться у северных городских ворот. Думаю, будет не очень разумным отправляться в путь с бухты-барахты – все-таки идти нам предстоит в горы, а на дворе еще зима. Отдохните как следует, выпитесь, поешьте.

На том и порешили. Оставив жреца отдавать распоряжения на время своего отсутствия, дармаг, полугоблин и волшебница вышли наружу. Джиданна сразу пошла домой, не посчитав нужным даже попрощаться. Плацента же покосился на Мектига и неохотно спросил:

– Слышь, дерьмозад, тебе переночевать-то есть где?

– Нет, – проронил Мектиг.

– Тля... Ладно, тля, пошли ко мне, кину тебе соломы в углу. И вроде в казане у меня еще какие-то отбросы остались...

Глава 8

Под потолком шуршали летучие мыши. Издали доносился приглушенный звон кирок и рев тяглового бегемота. В этой штольне работы не велись уже довольно давно, потому было здесь сравнительно тихо.

Хобии, когда иссякла жила, опечатали вход Каменной Паутиной, но, будучи слепыми, не заметили в одном месте прорехи. Фырдуз нашел ее случайно, но долгое время не знал, для чего та может пригодиться.

Теперь же они с Тревдохрадом притаились за ней и ждали. Их смена закончилась час назад, но они не отправились спать, а проскользнули сюда. Кобольд несколько дней следил за передвижениями хобиев и других каторжан, замечал и запоминал маршруты.

Особенно его интересовал один конкретный каторжанин. Лук-Бат, единственный на шахте циклоп. Неизвестно, где и как хобии его поймали, но приходилось великану тяжело. Вшестеро выше своих мучителей, он мог убить любого из них просто ударом кулака. Поэтому хобии приковали его к огромной вагонетке, да еще и выкололи глаз.

Лук-Бат толкал свою вагонетку сложным маршрутом, но через каждые два часа этот маршрут приводил его к опечатанной штольне. И сейчас, перед тем как в ней притаиться, Фырдуз кое-что оставил аккурат на пути движения.

Грохот стал слышен заранее. Циклоп шагал грузно, упершись ручищами в стальные ободы. Ему почти не давали отдыхать. На израненных ступнях темнела запекшаяся кровь – ослепший великан не видел, куда ступает. Среди каторжан находились сволочи, видящие забаву в том, чтобы кинуть ему под ноги острый камень или ржавую железку.

Фырдуз чувствовал угрызения совести. Он сам только что сделал нечто гораздо худшее. Лук-Бату будет очень больно, он будет очень страдать... и, скорее всего, умрет.

Почти наверняка умрет.

Возможно, сам он примет смерть с облегчением. Уже немолодой, донельзя истерзанный, он и так мучается. День за днем по грязным шпалам, чувствуя неуходящую тяжесть, не видя ни зги. Вряд ли ему вообще долго осталось.

И все-таки Фырдуз долго колебался, прежде чем прибегнуть к этому плану. Он просто не нашел другого верного способа, поэтому в конце концов заставил совесть умолкнуть.

Вот Тревдохраду было все равно. На шаркающего ногами циклопа он смотрел с отвращением, желая только одного – выбраться поскорее, любой ценой.

Лук-Бат подкатил вагонетку к месту, где Фырдуз воткнул рог кирки, щедро вымазанный едким маслом. Если смешать в нужных пропорциях помет красной летучей мыши и мякоть поганки Кортара, можно сварить довольно мерзкую дрянь – кортаротоксин. Он не убивает, но заставляет испытывать постоянную резкую боль.

И сейчас циклоп наступил аккурат на ловушку. Он громко застонал, пошатнулся, а из грязной огрубевшей стопы хлынула кровь.

Но подействовал яд не сразу. Ощутимо хромая, Лук-Бат потащился дальше. Все ближе и ближе к опечатанной штольне, а главное – одному из выходных туннелей. Не самый широкий туннель, не слишком часто используемый, однако все-таки действующий, а потому охраняемый. Шестеро хобиев дежурили там круглые сутки – с пиками и самострелами.

Иногда Фырдуз гадал, зачем этим слепцам самострелы. Он ни разу не видел, чтобы хобии ими пользовались.

Подходя все ближе к туннелю, Лук-Бат все сильнее шатался и дрожал. По его жилам разливался яд, вены вздувались, из горла вырывались хрипы. Вот он остановился совсем, и хобии сразу насторожились. Они не видели циклопа, но слышали шаги и лязг вагонетки, ощущали дрожь земли.

– Эй, большой! – гортанно выкрикнул один, опуская копьё. – Зачем встал? Иди, большой!

Циклоп не ответил. Его сотрясало судорогой. Не в силах терпеть, он задергался, замахал руками. Цепи зазвенели, глубоко врезались в кожу, и циклоп едва не упал.

– Не рвись, большой! Не рвись! – закричали хобии. – Стой смирно! Иди дальше!

Двое из них подошли ближе, остальные напряженно вслушивались, поводили длинными рыльцами.

Циклопу становилось все хуже. Он продолжал рваться, обливаясь кровью, но внутренняя боль жгла сильнее. В одном месте цепь уже лопнула.

– Большой бунтует! – воскликнул хобий, пыряя его копьем. – Не бунтуй!

Эта новая боль стала последней каплей. Лук-Бат заревел, как бешеный дракон... и разорвал цепи! Страшным толчком он опрокинул вагонетку и замахал ручищами, затопал ножищами!

Одного хобия убило сразу же. Лук-Бат шваркнул его обрывком цепи так, что едва не распахал надвое. А метнувшись на звук, он вырвал копьё у другого стражника, переломил, как хворостинку, и воткнул древко в мохнатое горло.

Остальные четверо гневно заверещали. Один бросился за подмогой, трое других принялись стрелять из самострелов. Но их болты, смертельные для кобольда или хобия, лишь застревали в дубленой шкуре циклопа. Единственное уязвимое место этих громадин – глаз, а его Лук-Бату уже выкололи.

Фырдуз молча сжал пальцы Тревдохрада. Именно ради этой кутерьмы он и отравил несчастного. Теперь, пользуясь шумом, они с цвергом выбежали из опечатанной штольни и ринулись к выходному туннелю.

Стражники были целиком поглощены циклопом. Хотя и слепой, он сумел убить еще одного, а последние двое уже не рисковали приближаться.

– Большой! Умри, большой! – вопили они. – Умри скорее!

Но даже в таком тарараме они слышали убегающих кобольда и цверга. Или почуяли. Водя рыльцем, хобий резко развернулся к ним и заверещал:

– Стойте, низшие! Стойте! Не бегите!

Фырдуз и не подумал остановиться. А вот Тревдохрад чуть замедлил шаг. Хобиев осталось всего двое – пожалуй, цверг с киркой сумеет их одолеть... и тут один из них спустил тетиву.

Стрела вошла Тревдохраду меж ребер. Хотя и слепой, хобий подстрелил его, как крысу. Цверг зашатался, лицо его страшно побледнело.

Но сердце все же осталось цело. Пробило только легкое. Уже не помышляя о драке, Тревдохрад развернулся и затопал прочь, превозмогая боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.